

АНАСТАСИЯ ТАММЕН

ВЕЧНОСТЬ

Тез Вержы

18+

КАК РАЗРУШИТЬ СТЕНУ МЕЖДУ НАМИ И НЕ ПОГИБНУТЬ ПОД ЕЕ ОБЛОМКАМИ?

Любовь-бесконечность

Анастасия Таммен
Вечность без Веры

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Таммен А.

Вечность без Веры / А. Таммен — «Издательство АСТ»,
2019 — (Любовь-бесконечность)

ISBN 978-5-17-151633-8

В 2371 году на территории Евразии осталась единственная страна. Она поделена на два округа. В первом живут могущественные Вечные, во втором, пренебрежительно называемом «зоной», — смертные. Стена между округами непреодолимо высока, а условия жизни в зоне — невыносимы. Но есть люди, в которых теплится надежда, что границы, прочерченные Вечными, — не навсегда. Вере восемнадцать. И она — смертная. У нее нет времени думать про поцелуи. Пока другие мечтают о свиданиях, она готовится к последнему экзамену в Первом Экспериментальном Центре, чтобы получить свободу и бессмертие. Когда накануне экзамена Вера встречает Аарона, ее мир переворачивается вверх дном. Вечный пробуждает в ней запретные чувства. Они могли бы полюбить друг друга, если бы Аарон не собирался... закрыть ПЭЦ и отнять у воспитанников шанс на бессмертное будущее.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-17-151633-8

© Таммен А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

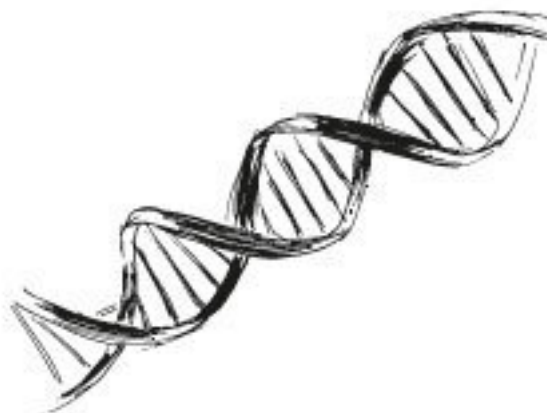
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анастасия Таммен

Вечность без Веры

События книги разворачиваются на территории Евразии, но никакой политической подоплеки в этом нет. Сеттингом могла бы стать, например, Америка или Африка, но все решило имя главной героини. С самого первого черновика я знала: ее должны звать Вера. Она будет искать правду и бороться за истину, а также верить в то, что любовь не может убивать.

Глава 1

В комнате было прохладно. В Первом экспериментальном центре всегда было прохладно, даже сейчас, в середине июля, когда за серым оконным стеклом под раскаленными лучами солнца плавился первый округ. Прошлепав босыми ногами по белому полу в черную крапинку, Вера отодвинула зеркальную дверцу шкафа, достала коричневую баночку с витаминами и открутила крышку. Руки слегка дрожали. На ладонь выпала последняя красная капсула, которую Вера проглотила, не запивая водой. Нужно будет не забыть попросить у Сати добавку.

На запястье завибрировал коммуникатор, задевая вживленный под кожу чип. Прикосновение отозвалось легкой щекоткой. Чип был совсем крохотным, не больше горошины, приплюснутой с двух сторон, и изредка мигал красным огоньком. Вера сдвинула коммуникатор и с нежностью погладила очертания чипа под тонкой, словно прозрачной, кожей. Вибрация повторилась, напоминая о том, что уже половина седьмого утра и пора отправляться на завтрак.

Вера стянула через голову ночнушку – зачем она вообще вчера переодевалась, если не собиралась ложиться спать? – и надела плиссированную юбку до колена и тонкую блузку с воротником. С нижней полки шкафа она взяла балетки и скользнула в них голыми ступнями. Расхлябанная резинка мгновенно сомкнулась вокруг лодыжки. Вся казенная одежда воспитанников и воспитанниц ПЭЦ была исключительно белого цвета – цвета чистоты не только физической, но и нравственной, что как нельзя лучше отражало идеологию Вечности. И соответствовало натуре Веры.

Взглянув на себя в зеркало, она обрадовалась бледным щекам. Хотя что-то положительное было в ее ночных бдениях в обнимку с планшетом, на котором хранились конспекты по микробиологии. Бледная кожа, белые волосы и голубые глаза отличали Вечных от смертных. А Вера, с ее каштановыми волосами и карими глазами, очень хотела на них походить.

Она вышла в длинный коридор. Дверь автоматически закрылась с тихим гудением за ее спиной. Комната находилась на предпоследнем, двадцатом этаже «щепки». ПЭЦ, построенный в 2321 году, втиснули на крохотном участке земли между соседними зданиями. Поэтому с фасада оно получилось невероятно узким: на некоторых этажах помещались всего одна-две комнаты да шахты лифтов, а десятый этаж, где находилась прачечная, наоборот, выступал вперед и нависал над крышей многоуровневой теплицы. А вот комнаты воспитателей, учителей и директора располагались на минусовых этажах, под землей. Коридоры к их спальням, кабинетам, лабораториям, а также к классным комнатам расходились хитроумной подземной системой, напоминающей лазы кроликов. Как они там живут без дневного света? У самой Веры в

комнате света было, конечно, немного – за ее окном в опасной близости высился склад биоотходов в сто этажей, загораживающий небо, – но все лучше, чем сидеть под землей.

Стеклянная шахта с двумя лифтами пронзала ПЭЦ, как позвоночник. Правый лифт точно поджидал Веру: не успела она подойти, как он предусмотрительно раскрыл для нее свои прозрачные двери. Стремительно проскользив до первого этажа, она вышла в центральный холл, гудевший двумя сотнями голосов. Воспитанники старше шести лет уже собрались здесь и болтали, выстроившись в очереди перед двумя полукруглыми траволаторами, тянущимися вверх сначала до второго этажа вдоль стеклянных витрин, где получаешь еду, и дальше на третий этаж мимо галерей, где можно сойти с транспортной ленты и присесть за столик.

Живот Веры заурчал от голода. Она ничего не ела со вчерашнего обеда, настолько погрузившись в тему диагностики вирусных заболеваний, что забыла обо всем на свете. Ничего удивительного. Чем ближе выпускной – а до него осталось всего десять дней, – тем сложнее думать о другом. Она мысленно ставила галочки напротив чисел в воображаемом календаре.

Прямо у подступов к правому траволатору стояли Таня с Идой и шептались между собой. Вера непроизвольно заулыбалась, заметив, как они вдруг захихикали. Пухленькую темноволосую Таню и долговязую блондинку Иду Вера обожала в равной степени. Как и всех остальных воспитанников, их забрали после рождения из зоны и привезли в ПЭЦ, где они подружились в том возрасте, о котором у Веры не осталось ровным счетом никаких воспоминаний.

«Интересно, что они обсуждают?» – подумала Вера, направляясь к подругам и лавируя между воспитанниками, но вдруг кто-то схватил ее за руку. Она остановилась и обернулась. Рядом с ней стояла Лина из пятого класса. Каждый раз, пересекаясь с ней, Вера не могла отделаться от ощущения, что видит ожившую куколку: светло-русые волосы струились до пояса, миндалевидные серые глаза обрамлялись пушистыми ресницами, а пухлые розовые губы довершали идеальную картину.

– Привет! – воскликнула Лина.

– Привет. – Вера аккуратно высвободила руку.

– Ты знаешь, что вчера произошло?

Вера попыталась понять, о чем могла спрашивать Лина, но все, что она помнила о вчерашнем дне, ограничивалось микробиологией.

– Ну как же?! Неужели ты не получила сообщение? Или не успела прочитать? Вчера объявили лучших воспитанников от десяти до одиннадцати лет. Паше грозит отчисление, он провалил один годовой экзамен, но мне его совсем не жалко. Он допустил аж две ошибки, представляешь? Две! Зато все остальные молодцы. А я – лучшая среди своих. Поздравь меня. Я так рада.

Вера успевала только кивать. Вставить хоть одно слово в тираду Лины не представлялось возможным. Если дать Лине волю, она могла заговорить человека до смерти. Вера вытянула шею, высматривая Таню и Иду, и уже хотела поздравить и попрощаться, как Лина снова затараторила:

– Представляешь, вчера мою работу по Последней катастрофе сравнили с твоей! – Линыны глаза заблестели от восторга. – Учитель по истории Земли восхитился детальностью моего доклада о конце двадцать первого века и дал мне на три балла больше, чем тебе семь лет назад. Да, я проверяла, больше! – Лина победно улыбнулась, растягивая по слогам последнее слово. – Хочешь я тебе расскажу, что сделала лучше тебя?

Вера отрицательно помотала головой, но вопрос оказался риторическим, потому что Лина, быстро вдохнув, продолжила говорить:

– Ты отстаивала точку зрения, что в гибели большей части человечества виновата разобщенность людей, вместе они могли бы спасти всех, но, знаешь, это слишком философская точка зрения. В этом вся проблема. Слишком абстрактно. Поэтому я сделала упор на пробле-

мах перенаселения планеты и нехватке природных ресурсов. В конце концов, не выжми люди тогда Землю до последней капли, не начались бы такие природные катаклизмы...

– Ты права. Это очень хорошая теория, – перебила Вера, подумав: «Если я не сбегу сейчас, то уже никогда не смогу этого сделать».

Тем более что разговор мог привести только к одну – дискуссии. О причинах Последней катастрофы ученые, общественные деятели и политики спорят уже около трехсот лет, но суть от этого не меняется. От десяти миллиардов населения Земли осталась жалкая горстка в пятьдесят миллионов, а пригодной для жизни оказалась территория, бывшая некогда западной частью страны под названием Россия. Но какие бы теории ученые ни выдвигали, Вера стояла на своем: действуя заодно, можно было бы не допустить таких глобальных и непоправимых последствий. И вовсе не сами ресурсы стали проблемой, а неутолимая жажда наживы.

Может, Вера была бы и не прочь поспорить, но не сейчас, когда от голода сводит желудок. Да и в чем она смогла бы убедить Лину, которая получила больше баллов? Волне вероятно, что именно на стороне Лины правда. Хотя, если бы правда была такой однозначной, спорили бы о ней так долго? Вера натянуто улыбнулась.

– Я поздравляю тебя. А сейчас мне пора.

– Но...

– Увидимся.

Вера зашагала в сторону подруг. Воспитанники расступались и освобождали ей путь не возмущаясь. Все-таки есть плюсы в том, что она выпускница. Оказавшись у Тани за спиной, Вера легонько подула ей в ухо.

– Ой! – вскрикнула Таня и, подпрыгнув от неожиданности, обернулась. Копна каштановых кудряшек взлетела вверх и милым хаосом легла вокруг круглого личика. – Зачем так пугать? – Таня нахмурилась, но в следующее мгновение уже заулыбалась и взяла Веру под локоть.

Втроем они ступили на траволатор, который потянул их наверх.

– Ты где была вчера вечером? – спросила Таня.

– Мы тебя искали, – заговорила Ида, прищурив ясные голубые глаза. – Пожалуйста, скажи, что ты была у Макса.

Вера смутилась и почувствовала, как загорелись щеки. Ей не нравилось обсуждать ее отношения с Максом. Таня, прикрыв ладошкой рот, захихикала, явно неправильно истолковав Верину реакцию.

– Неужели он наконец-то решил тебя поцеловать? – спросила она.

Таня, которая еще никогда на свиданиях не бывала, обожала копаться в подробностях чужой личной жизни. Интересовало ее все до мелочей. С одной стороны, это было забавно, особенно когда дело касалось других. С другой – искренне печалило Веру. Она догадывалась, что в глубине души Таня отдала бы все на свете, лишь бы самой сходить в компании симпатичного парня хотя бы в Центральную библиотеку.

– Я уже устала ждать, когда он хоть на что-нибудь решится. – Ида театрально закатила глаза.

– У нас у всех есть сейчас дела поважнее, – возразила Вера.

Около витрины подруги нажали на свои коммуникаторы, и над левой рукой образовалось силовое поле около сорока сантиметров в диаметре. Поле не имело цвета, но искажало пространство, если смотреть сквозь него, будто на поверхности воды расходилась рябь. Вера взяла два герметично запечатанных тюбика оранжевого и зеленого цветов, протеиновый батончик и пакетик с яблочным концентратом и положила сверху на силовое поле, как на поднос.

– А о чем еще думать, как не о поцелуях, когда тебе восемнадцать? – спросила Ида, выбирая тюбики и батончики. – По закону, между прочим, нам уже все можно!

– Например, можно думать о последнем выпускном экзамене, – спокойно ответила Вера, стараясь не поддаваться на провокацию. «Все ради науки!» – так звучал девиз ПЭЦ. Поцелуй же тут никакой роли не играли. – Вы не забыли, что завтра экзамен?

– Какая же ты зануда, – театрально вздохнула Ида.

Оказавшись на третьем уровне, они прошествовали мимо десятка занятых галдящими воспитанниками столиков к ближайшему свободному у стеклянного ограждения галереи. Оттуда открывался вид на крутящуюся в воздухе гигантского размера голограмму рейтинга воспитанников, на первой строке которого красовалось Верино имя. Таня плюхнулась на стул, сгрузила завтрак с силового поля на стол и отключила его. Одним махом она выжала первый тубик в рот и недовольно поморщилась.

– Нет, я понимаю, что в мире нехватка продуктов, что выращивать их толком негде, но еще один день этой приторной жижи, и я взвою.

– Вой не вой, но еду нам выдают в соответствии с параграфом № 196 устава ПЭЦ, – сказала Ида, присаживаясь рядом.

– Терпение. Осталось всего ничего, – напомнила Вера, занимая место напротив Тани.

Может, еда в тубиках и не была пищей богов, но по сравнению с объедками, которые перепали жителям зоны, стоило радоваться каждой напичканной витаминами капле. Смертные по ту сторону границы жили впроголодь, получая переработанные биоотходы из первого округа.

– Вот выпустимся и сможем позволить себе настоящие продукты.

– Хорошо бы. Я буду каждый вечер ходить по ресторанам. Вы слышали, что в самом центре есть такие, которые расположены выше облаков? – Таня подперла подбородок ладонью, мечтательно улыбнулась и выдала двестише:

– Между облаков летать
И вкусняшки уплетать.

Вера улыбнулась. Она восхищалась талантом Тани рифмовать на ходу.

– И цены там такие же – заоблачные, – хмыкнула Ида. – Чтобы попасть туда, нам потребуется прожить лет сто, а то и все двести.

– Почему тебе вечно нужно все испортить? – Таня насупилась.

– Потому что я реалист. И вообще мы говорили не про еду, а про то, чем Вера вчера занималась с Максом. Ну?

Ида повернулась к Вере и уставилась на нее как на допросе.

– Мы вчера весь день провели в библиотеке. К экзамену готовились, – начала Вера и сделала паузу, чтобы выдать себе в рот треть тубика с тыквенной пастой.

Нейтрально, чуть сладковато. Даже если Ида права и в ресторанах и правда цены заоблачные, Вера все же мечтала хотя бы разок там отужинать. Как здорово было бы взять вилку и нож в руки и отрезать кусочек чего-нибудь хрустящего и жареного. Медленно выдохнув, Вера заставила себя проглотить оставшееся пюре.

– В библиотеке? – фыркнула Ида. – А дальше?

– А дальше ее закрыли, и Макс меня до комнаты проводил.

– Нам из тебя каждое слово клещами вытягивать? – не отставала Ида.

– А тут и нечего вытягивать.

Ида моргнула пару раз.

– Вер, ты же понимаешь, что это ненормально? – воскликнула Таня.

– Ненормально лезть не в свое дело, – отрезала Вера и скрестила руки на груди. Внутри закипало недовольство. И чего они пристали?

Вера начала встречаться с Максом полгода назад. Он – идеальный парень, как будто созданный для нее. Умный, красивый, ответственный. Если бы не болезнь, из-за которой семь лет назад он пропустил один месяц, он наверняка сравнялся бы с ней по баллам в общем рейтинге. А какие у него карьерные перспективы! Вера не сомневалась, что однажды он станет лучшим микробиологом страны. Когда они закончат ПЭЦ, весь мир будет лежать у их ног. Но Таню и Иду почему-то мало волновали рассуждения о будущем. При любой возможности они задавали неудобные вопросы про поцелуи или того хуже – когда уже Вера с Максом *помнут одежду*. Но разве было у нее на это время? Да и чужие слюни во рту... Бр-р-р. Вера внутренне содрогнулась.

– Ладно, извини. – Таня опустила глаза. – Однако...

– Больше не будем, – перебила Ида. – Но пообещай нам, что как только, так ты сразу нам все расскажешь!

Вера не смогла сдержать улыбку.

– Договорились. Могу даже видео записать в качестве доказательства.

Таня и Ида рассмеялись в голос.

– Спасибо, но не надо! – Ида замахала руками. – Мы и так тебе поверим.

Вера, все еще улыбаясь, вернулась к более важной теме:

– Вы готовы к микробиологии?

– Надеюсь, – сказала Таня, заметно позеленев. – Все эти клетки, реагенты, плазмы. Лучше два экзамена по литературе или искусству написать, чем вот это вот все.

– А еще лучше по праву! – подхватила Ида.

Хотя Ида находилась в середине общего рейтинга, в юриспруденции она была сильнее прочих выпускников. Она назубок знала все законы, параграфы и могла в любой момент выдать нужные сведения. Как ей это удавалось и, самое главное, что она находила в этом интересного, Вера понять не могла. Большой скукоты на свете не придумаешь.

– Я после завтрака сразу в библиотеку. Хочу повторить часть про иммуномодуляторы. Присоединитесь? – ненавязчиво предложила Вера, пускай на самом деле она хотела бы взять их обеих подруг под руки и утащить туда насильно. Если они провалятся на последнем экзамене, то не видать им хорошего распределения.

После восемнадцати лет в стенах ПЭЦ на выпускном воспитанникам вручали сертификаты на инициацию. На них, помимо нового имени, стояло место будущей работы. Чтобы стать Вечными, нужно было пройти не только болезненную трансформацию, но и отречься от имени, данного при рождении. Вместо него выбиралось новое, вечное. Оно соответствовало тому роду деятельности, которому воспитанников обязывали посвятить себя. Так физиков часто называли Вольтом, а биологов – Розой. Но иногда имена связывали с личностью человека или со временем его инициации. Вера мечтала сохранить свое, данное ей заместителем директора Сати, однако права голоса не имела. И имя, и место работы, точно вердикт, выносила Сентябрина, стоявшая во главе Отдела управления человеческими ресурсами со дня его основания. Она знала, что правильно для каждого из них.

Сменить род деятельности даже через сто лет не представлялось возможным. Необходимость придерживаться выбранного для них пути основывалась на суждении, будто таким образом можно идти вглубь любых процессов. Вере подобная методика напоминала шоры, которые надевали на морду лошади, чтобы та не отвлекалась, но сопротивляться было страшно. Выкажешь неуважение к принципам ПЭЦ и будешь ближайшую Вечность перебирать радиоактивные отходы за пределами зоны, поэтому не оставалось ничего, кроме как безмолвно следовать указаниям свыше. У них в распоряжении был единственный шанс повлиять на качество своей будущей жизни – получить максимально высокие оценки на выпускных экзаменах.

– Вер, я не хочу, – вздохнула Таня. – Я терпеть не могу микробиологию. Помнишь, как мы однажды проводили опыты на животных? Меня стошнило прямо на рабочий стол и на...

– Фу! – хохотнула Ида.

Она работала скальпелем с гораздо большим хладнокровием, но боялась повредить какой-то важный для исследований орган – препарировать законы ей удавалось куда проще.

– Один последний раз, Тань, и все позади, – сказала Вера, хотя в животе замутило при одном воспоминании о том событии.

– Но зачем мне микробиология, если я хочу в министерство культуры? – возмутилась Таня. – Или на телевидение! Я хочу снимать фильмы и ставить пьесы! Зачем мне знать, что такое, как ее, агглюмация?

– Агглютинация, – поправила Вера.

– Да хоть коронация, – ответила Таня и скривилась.

Вера шумно вздохнула. Зачем спорить о том, что нельзя изменить?

– У нас есть всего один шанс, чтобы доказать Сентябрине, кто мы и на что способны.

Вера побаивалась руководительницу ОУЧР. Та была настолько хладнокровной, что гораздо больше ей бы подошло имя Январина или просто Лыдина.

– Перед смертью не надышишься, – возразила Ида.

– Ну можно хотя бы попытаться, – настаивала Вера.

– Зануда! – Ида потянулась к ней и взъерошила волосы, собранные в тугой хвост.

– Эй! – Вера рассмеялась и, оттолкнув ее руки, пригладила волосы и подтянула резинку.

– Ты, конечно, права. – Таня кивнула. Плечи ее опустились.

Вера улыбнулась.

Коммуникатор на запястье завибрировал. Она ткнула в экран, чтобы отключить будильник. Он звенел в семь утра, когда открывались двери библиотеки.

– Макс? – спросила Таня, вытягивая шею, чтобы рассмотреть экран Вериного коммуникатора.

– Будильник, – ответила Вера, толкая ее в бок.

– Кто бы сомневался! – воскликнула Ида и с булькающим звуком высосала весь яблочный сок зараз.

Опустевший пакетик смялся.

– Отстань, – хихикнула Вера.

Возвращаться к теме поцелуев не хотелось. Она уже собиралась встать из-за стола, как вспомнила, что у нее есть дело к Сати. Вера покрутила головой, высматривая ее среди толпы. Обычно та завтракала вместе со всеми.

Сати была заместителем директора с самого основания ПЭЦ пятьдесят лет назад. Может, у главного начальника власти и побольше, но он из своего кабинета на последнем этаже – единственного, который находился не под землей, – редко нос высовывает, а вот Сати все время с детьми. Она не просто контролирует прохождение экспериментальной программы, она лично отбирает каждого нового воспитанника и решает, может ли он и дальше оставаться в ПЭЦ. Это решение базируется на общем рейтинге. Баллы выставляются – и снимаются! – по множеству критериев: учитываются и прилежное поведение, и оценки, и индивидуальные достижения, и даже опрятный вид. За восемнадцать лет, что Вера провела в ПЭЦ, из центра отсортировали и вернули в зону не больше двадцати детей и подростков, около пяти процентов от общего числа, с самым маленьким количеством баллов среди ровесников.

Вера десятки раз на дню поглядывала на рейтинг, желая удостовериться в своей безопасности. Возвращаться в зону она не хотела: там из десяти детей в первые два месяца жизни от болезней и голода умирали около восьми, а средняя продолжительность жизни не превышала пятидесяти лет. А что такое пятьдесят лет в сравнении с Вечностью?!

Сати стала спасительницей Веры. Она не просто забрала ее из зоны, она заботилась о ней с самого рождения.

Куда же она сейчас запропастилась?

– Вера? Ты идешь? – позвала Таня.

Вера обернулась и заметила, что подруги выжидательно смотрят на нее.

– Встретимся в библиотеке, – сказала она.

– А ты куда? – в один голос спросили они.

– Я к Сати на секундочку.

Она встала из-за стола, собрала в охапку пустые упаковки и скинула их в контейнер для сбора отходов, стоявший около ограждения галереи.

Сати вставала раньше всех в ПЭЦ и, наверное, шла самой последней спать. По любому поводу именно ее вызывали медсестры, воспитатели и учителя. В какой-то степени она была матерью – строгой, но любящей – всем воспитанникам. Вера еще раз глянула на коммуникатор. В семь утра, если Сати не сидела в столовой, ее точно можно найти в детском отделении.

Вера поднялась на лифте до третьего этажа. Помещение было огромным и светлым, несмотря на всего лишь три небольших окна. По периметру стояли опрятно заправленные двухъярусные кровати, а нижние полки защищали высокие ограждения. По центру за низенькими столиками на крохотных стульчиках расположилось около восьмидесяти детей от нуля до шести лет. Сейчас они завтракали: подростки сами держали протеиновые батончики, а малышей кормили яйцеподобные роботы из розового и голубого пластика с большими дисплеями вместо лиц. На них схематично отражались эмоции в зависимости от того, насколько быстро и добровольно подопечные открывали рты. Роботы парили в воздухе между люльками на высоких подставках и успевали в одиночку кормить до пяти грудничков одновременно. Воспитатели здесь появлялись только для того, чтобы выдать новые задания и проверить физическое и интеллектуальное развитие детей.

– Вера! Вера! Вера! – слышалось со всех сторон, когда дети заметили ее на пороге.

– Ш-ш-ш. – Она, улыбаясь, приложила указательный палец к губам.

Детвора тут же вернулась к еде, но неотступно следила за ней взглядом.

Время на игры отводилось скупо – не больше пятнадцати минут на каждые три часа развивающих занятий, а за столом полагалось вести себя по принципу «Пока я ем, я глух и нем». Но с детьми это работало с переменным успехом, а когда приходила Вера, то с их лиц не сходили улыбки. Она навещала их по воскресеньям, садилась на пол и отвечала на вопросы, иногда просто обнимала. В начале прошлого сентября Вера вызвалась помочь Сати с новыми детьми, но, единожды почувствовав в своей руке теплую маленькую ладошку, не смогла быстро уйти. К декабрю еженедельные вылазки вошли в привычку. От ее присутствия становилось хорошо и детям, жадным до человеческого внимания, и ей самой.

Комнаты на других этажах полагались воспитанникам с началом основной учебной программы, к которой они приступали в возрасте семи лет. После постоянного шума немножечко тишины и личного пространства за дверью, закрывающейся изнутри, были своего рода наградой. Однако Вера с ностальгией вспомнила счастливое время в детском отделении. Здесь не нужно было бороться с ночными кошмарами в одиночку. Проснувшись, она могла протянуть руку, дотронуться до соседки и убедиться, что увиденное во сне – всего лишь выдумка.

Может быть, именно поэтому Вера с нетерпением возвращалась сюда по воскресеньям, когда другие выпускники с радостью наматывали километры по первому округу и целовались в пятиэтажном парке в конце квартала.

Тут Вера чувствовала, что делает что-то по-настоящему нужное.

Сати стояла в стороне от столов с малышом в одной руке и бутылочкой с молочной смесью в другой. Она слегка покачивалась из стороны в сторону и, кажется, едва слышно что-то напевала. Традиционную белую форму носили не только воспитанники ПЭЦ, но и руководители. Сати в белой юбке и блузке с высоко собранным тугим хвостом длинных густых белоснежных волос казалась ангелом во плоти.

– Доброе утро, – негромко позвала Вера, подойдя ближе и заметив, что малыш в руках Сати сосал молочную смесь с закрытыми глазами.

Сати прекратила пить и подняла взгляд. У нее были узкие голубые глаза под тяжелыми веками. На широком лице, несмотря на ее триста сорок лет, не возникло ни единой морщинки.

– Ты как раз вовремя. Спа-си-ме-ня, – мелодично протянула Сати и протянула Вере пустую бутылочку и младенца в тонком спальном мешке. – У нас новый ребенок. Кира. Как привезли ее позавчера, так она больше и не спала. И другим спать не дает. Роботы не справляются, воспитатели от нее отказываются. Я сама на последнем издыхании.

Вера без возражений подхватила малютку. Та тут же открыла большие карие глаза без намека на сонливость и выплюнула бутылочку. На голове пушились короткие темные волосы. Между приоткрытых губ виднелся сложенный трубочкой язык.

Сати помассировала мышцы шеи.

– Я качаю ее третий час. Все занемело. Это самый упрямый ребенок на свете. Сил моих нет с ней бодаться. Подержи ее чуть-чуть, кызым.

Вера против воли улыбнулась. Любимое слово «кызым» означало на родном языке Сати «дочка».

Девочка в Вериных руках смотрела на нее внимательно, и в ее взгляде чувствовалось упрямство.

– Привет, Кира, – прошептала Вера, – приятно познакомиться. Ты зачем бедную Сати мучаешь?

– Она не мучает, она издевается, – хмыкнула Сати. – Если бы я не знала, что у нее задатки настоящего космонавта и бесстрашного исследователя, отправила бы ее обратно в зону.

Вера вздрогнула. Это было пустой угрозой, никто от нее так быстро не откажется. Ребенку нужно время на адаптацию. Хотя... Если все руководители ПЭЦ и даже Сати потерпят терпение, то Кира здесь долго не задержится. Вера плотнее прижала малютку к груди.

– Давай заключим сделку? – пробормотала она так тихо, что даже Сати не могла ее услышать. – Мы отпустим Сати и решим все между собой.

Кира прямо смотрела в Верины глаза и не моргала.

– У меня есть что тебе предложить в обмен на длинный сон. Я могу тебе спеть, правда, я ужасно фальшивлю, но не беда. Я укачиваю лучше всех остальных. Хочешь, докажу?

Вера отдала бутылочку Сати, которая с легкой улыбкой наблюдала за происходящим, и начала тихонечко покачиваться из стороны в сторону. Однако нужного эффекта это не дало – Кира продолжала, не отрываясь, смотреть на Веру.

– И самая заманчивая часть предложения, – продолжила Вера. – Не отказывайся, пока не выслушаешь до конца. Я приду к тебе сегодня вечером. И завтра утром. И каждый день до самого выпускного. Как тебе? М-м? Только спи... Здесь лучшее место на земле, куда бы ты могла попасть. Что скажешь? Договорились?

Вера могла поклясться, что Кира как будто бы кивнула. Нет, конечно, она этого сделать не могла, но она как будто осознанно дважды моргнула и закрыла глаза. Неужели подействовало? Прошла долгая минута, и Кирины пальчики расслабились.

– Спит, – улыбнулась Вера, не отрывая от нее взгляда.

– Ты настоящая волшебница, кызым, – с облегчением выдохнула Сати.

– Я ничего не сделала, – возразила Вера, но почувствовала, как от похвалы на душе потеплело.

– Побудешь с ней? Мне нужно отлучиться, а то я с голоду умру. Как крепко уснет, положи ее в кроватку, вот в эту. – Сати указала пальцем на одну из кроватей первого яруса. – И спасибо тебе!

Она погладила Веру по голове, аккуратно поправляя выбившиеся из тугого хвоста волосы.

– Не за что, – ответила Вера.

Она точно так же, как и здешние дети, радовалась каждому прикосновению, и ради хотя бы одного была готова укачивать детей.

Когда за Сати закрылись раздвижные двери детского отделения, Вера сообразила, что забыла попросить ее выдать новую порцию витаминов. Придется найти Сати позже.

Подержав Киру еще несколько минут и удостоверившись, что та не собирается просыпаться, Вера положила ее в кроватку.

– Как хорошо мы с тобой справились, да? Пусть Сати чуток отдохнет, и тебе сон не помешает, – прошептала Вера. – До вечера.

Она отправилась на выход, посылая по пути воздушные поцелуи малышам. Они, хихикая, ловили их ручками. Здесь Вера чувствовала себя счастливой. Была бы ее воля, навсегда бы осталась в детском отделении, но штат укомплектован и не подлежал изменениям. Когда Вера спросила Сати про возможную работу в ПЭЦ, та недвусмысленно дала понять: здесь тебе ничего не светит. И в первую очередь – бессмертие.

Вера спустилась на минус третий этаж. Двери лифта открылись внутри библиотеки. Несмотря на отсутствие окон, благодаря потолочным лампам создавалось ощущение дневного света. В бесконечно длинном помещении вдоль стен тянулись шкафы с реагентами и микроскопами и стояло около пятидесяти столов. Столешницы представляли из себя интерактивные дисплеи, способные проецировать трехмерные изображения. Четыре года назад Вера готовила доклад о кашалотах и пыталась понять, как именно те фильтруют свой улов: проекция вымершего вида заняла практически всю библиотеку.

Большинство столов было занято. Каждую свободную минуту – даже в середине июля, когда основная учебная программа останавливалась на своего рода летнюю паузу, – воспитанники проводили в библиотеке или лабораториях, готовя доклады и углубляясь в полученные с августа по июнь знания. Подруги сидели за пятым столом в левом ряду от входа. Вера подошла к ним. Над плазменной панелью крутилась голограмма надпочечника с неровной, будто бы червями изъеденной поверхностью.

– Синдром Уотерхауса-Фридериксена? – спросила Вера и заняла свободный стул, который для нее предумышленно оставили свободным.

– Как ты это все запоминаешь? – поразила Таня.

– Много бессонных ночей, – честно ответила Вера.

Она зубрила микробиологию до рези в глазах и боли в спине, забывая и есть, и спать, и даже менять позу. Зубрила не потому, что, как и Ида, восхищалась этой наукой, а потому, что если уж ей не получить работу в ПЭЦ, то стоило побороться за лучшее место во всем первом округе. И таким местом был исследовательский институт медицинской генетики – Геном.

Следующие три часа прошли за монотонным повторением пройденного материала, но все, что влетало в одно Танино ухо, тут же вылетало из другого. К обеду она стонала и раскачивалась из стороны в сторону, подпихнув под попу свои ладони.

– Нам нужен какой-то новый план, – сказала Вера, потянувшись.

– Давай вживим Тане микрочип со всей нужной информацией? – предложила Ида.

Сама по себе идея была не такой уж и плохой, но жульничать на выпускном экзамене – последнее, чем им стоило заниматься. За такое могут не просто в зону вернуть, но и за ее пределы выкинуть. А там любого человека ждало одно – верная смерть.

Нет, должна существовать какая-то возможность использовать сильную сторону Тани. Вот как Ида все запоминает благодаря своей фотографической памяти, Таня могла бы...

– У меня идея! – воскликнула Вера и чуть подпрыгнула на стуле. – Мы напишем стихи!

Таня и Ида уставились на нее как на сумасшедшую.

– Кому? Преподавателю микробиологии? – Ида подняла одну бровь. – Можно признаться ему в любви и сказать, что от одного его присутствия Таня не может два слова связать.

– Но он жуткий! Эти его глаза навывкате... – Таня содрогнулась.

Вера энергично замотала головой.

– Да нет же! Мы используем мнемотехнику. Придумаем какие-то четверостишия и свяжем их в твоём мозгу со значимыми элементами информации. Рифмизация – один из главных приемов!

Вера чувствовала эйфорию. Почему она не додумалась до этого раньше?

Таня пару раз моргнула.

– Например? – спросила она.

– Ну-у... – протянула Вера. Со стихами у нее не складывалось. Когда слова у Тани сами по себе собирались в красивые строки, у Веры в голове что-то гудело и звенело. – Например:

Если у тебя лихорадка и озноб, боль в суставах и понос,
Ты проверь себя скорее на золотистый стафилококк.

Ида поджала губы и покраснела, задержав дыхание и стараясь не расхохотаться. Таня смотрела огромными глазами, в которых читался ужас. Верины щеки пылали от смущения. Она понимала, что выдала чепуху, но ничего лучше придумать не могла.

– Это ужасно, – наконец сказала Ида и все-таки рассмеялась в голос. – И вместе с тем, – добавила она, – это действительно гениальное решение!

Таня неуверенно кивнула и сказала:

– Мне кажется, может получиться.

С этого момента дело пошло в гору. Отлучившись на обед, они вернулись к своему столу и к вечеру имели в наличии более двухсот стихотворений. У Тани они получались ладными и эффективными. Покидая библиотеку в половине девятого вечера, Вера наконец-то ощутила покой – Таня справится с экзаменом и сможет остаться в первом округе.

В лифте Таня с покрасневшими от усталости глазами спросила:

– А где, кстати, Макс?

– У него сегодня профилактическое обследование в институте неврологии, – ответила Вера. – Вернется завтра утром.

– Бедный, – сказала Таня.

– Ничего, скоро все останется в прошлом, – с надеждой ответила Вера. – Мне, кстати, сначала нужно в детское отделение. Я обещала одну девочку перед сном навестить.

Ида тяжело вздохнула.

– Ты слишком привязываешься к малышке.

– Знаю.

Вера понурилась, но больше ничего сказала. На третьем этаже она вышла, пожелала подругам спокойной ночи и направилась к Кире. В помещении горел тусклый желтоватый свет. Роботы подзаряжали свои батареи рядом со входом, подсоединив кабели к стенным панелям. Дети лежали в кроватях и, судя по храпу и равномерному дыханию, спали. Но Кира лежала, вытянувшись, как солдатик, и прижав к бокам кулачки. Она сразу заметила Веру и нервно всхлипнула. Носогубный треугольник побелел. Что с ней случилось? Почему рядом никого нет? Где все воспитатели? Вера взяла Киру на руки. Оцепенение ее начало постепенно отступать.

– Ну чего ты? Не надо. Я же обещала, что приду, – прошептала Вера и поцеловала ее в макушку.

В ответ она услышала прерывистый вздох.

– Тебя сегодня кормили? – спросила Вера и, понимая, что ей, конечно, никто не ответит, дотронулась локтем до ближайшей балки, поддерживающей второй ярус кровати.

В воздухе рядом появилась голограмма протокола.

Кира, рож. 29 июня 2371.

Дата отчета: 17 июля 2371.

00:00 – 7:20 – бодрствование.

7:20–18:12 – крепкий сон.

18:00 – отказ от смеси.

18:30 – отказ от смеси.

19:00 – отказ от смеси.

19:30 – отказ от смеси.

– Какая же ты все-таки упрямая, – вздохнула Вера.

Малышка причмокнула. Она, должно быть, умирала с голоду. Ничего удивительного, что в ней – с таким упорством и целеустремленностью – обнаружили задатки настоящего космонавта.

Вера прошла с Кирой на руках до ближайшего робота и толкнула его коленом. Парящее в воздухе розовое яйцо дернулось, черный экран загорелся, моргнул и продемонстрировал негодующее отражение эмоций: вместо глаз – тонкие полоски, «брови» сдвинуты к центру и подняты по краям.

– Перебой программы подзарядки. Несанкционированное вмешательство в сон. – В женском голосе робота послышался неестественный металл и искусственное раздражение.

– Да-да, знаю, – вздохнула Вера.

– Нарушение распорядка, – продолжил робот как ни в чем не бывало. – Угроза системы обеспечения.

– Святая Вечность, – перебила Вера. – Прекрати. Сделай молочную смесь и можешь дальше подзаряжаться сколько в тебя влезет.

– О! – Там, где у робота должен был быть рот, на дисплее появилась буква «О».

Кабель отсоединился от стенной панели, робот втянул его внутрь себя и поплыл по воздуху в сторону подсобного помещения справа от входных дверей. Спустя пару минут он появился с бутылочкой в руке. Вера забрала смесь и направилась к кровати.

Кира пила с жадностью.

– Послушай, – начала Вера, – я понимаю, что ты пока не прижилась здесь, но поверь на слово: тут у таких, как ты и я, есть шанс на счастливое будущее. Без болезней, голода и страха. Не вставай у себя на пути. Ешь по расписанию. Слушайся Сати. Не мешай другим спать.

Девочка высосала молоко до последней капли и закрыла глаза.

– Мы можем стать счастливыми. Нужно только делать как говорят.

Вера не знала, зачем это все объясняет, вряд ли Кира действительно понимала произнесенные слова, но чувствовала необходимость высказаться, по возможности убедить играть по чужим правилам. До самого выпускного Вера сможет приходить и кормить ее, но вот после... После еще ни один воспитанник не возвращался в ПЭЦ.

Кира задремала, но Вера не могла оставить ее одну. Если Кира проснется ночью и перебудит остальных детей, Сати может привести свою угрозу в исполнение. Вера бросила взгляд на роботов, которые погрузились в ждущий режим, потом на дверь, ведущую в коридор, и после нескольких минут колебаний забралась вместе с Кирой на руках в ее кроватку. Вера боялась пошевелиться и придавить ее. Но в конечном счете она задремала.

На следующее утро Вера открыла глаза в половине седьмого и почувствовала себя на удивление выпавшейся. Покормив и переодев улыбающуюся Киру, Вера приняла душ, переоделась в своей комнате и отправилась в столовую. Но ни подруг, ни Сати она обнаружить не смогла. Захватив себе два протеиновых батончика, она села за ближайший стол и, откусывая

большие куски зеленоватого цвета, быстро набрала на коммуникаторе в общем чате с Идой и Таней:

ВЕРА: «Где вы?»

Ответ последовал незамедлительно. Таня прислала смайлик со стопкой книг. Отлично. Значит, сегодня Вере не придется уговаривать их пойти в библиотеку читать про гниющие от инфекций ткани или успехи в иммуномодуляции. Кстати, об иммунной системе... Вера так и не взяла новую порцию витаминов.

ВЕРА: «Вы видели сегодня Сати?»

Под Вериным вопросом появился красный крестик, присланный Идой. Как странно. И в детском отделении Сати не было, и в столовую она не пришла. Куда же она опять запропастилась?

Вера проглотила оставшуюся еду, практически не жуя мягкую массу, и решила отправиться к Сати. Ходить на этаж воспитателей и руководителей не запрещалось, но и не приветствовалось. Все вопросы решались обычно после уроков или на общих собраниях в главном зале. Личные аудиенции в своей комнате проводила только Сати. Для всех детей без исключения ее двери оставались открыты, хотя мало кто приходил без приглашения.

Вера добежала до конца галереи и заскочила в лифт. Выйдя на минус девятом этаже, зашагала по коридору, подсвеченному вдоль плинтусов блеклыми лампочками. Тут царил полумрак, пахло сырой землей и было жарко, несмотря на жужжащие под потолком вентиляторы. Что же Вечных так тянет сюда? Возвращаются обратно к истокам? К матушке-земле? Кто знает, может быть, через триста лет и Вера начнет получать удовольствие от сырости и темноты? Однако пока все было иначе, и каждый раз она считала минуты до того момента, как снова сможет подняться хотя бы на первый этаж.

Остановившись рядом с четвертой слева дверью, Вера остановилась, поправила хвост и разгладила юбку. Сделав глубокий вдох, она постучала. Послышалось: «Войдите». Вместо ответа она дернула за ручку, и дверь отъехала в сторону.

Комната Сати немногим превосходила по размерам Верину. На полу лежал толстый шерстяной ковер с витиеватыми черными узорами на красном фоне, а мебель была сделана из настоящего дерева. В здании из бетона, пластмассы и стекла Сати умудрилась наполнить уголок жизнью позапрошлого столетия. Вера радовалась каждому приглашению Сати, потому что обожала приходить сюда и вдыхать витающий в воздухе запах меда.

– Доброе утро, – поздоровалась Вера, широко улыбаясь. Но, заметив Сати, нахмурилась.

Сати, одетая в пеструю пижаму, лежала на одноместной кровати. Сшитое из разноцветных лоскутов одеяло сбилось в ногах. Белые волосы разметались по подушке. На высоком лбу выступила испарина, а глаза были едва заметны под тяжелыми веками.

Вера похолодела. Она не могла припомнить, чтобы Сати хоть раз болела. Да и вообще она ни разу не слышала о том, чтобы болели Вечные.

– Что с вами? – спросила она.

– Плохо спала. Садись, – отозвалась Сати, похлопав по кровати.

– Мне позвать медсестру? – спросила Вера, не сдвинувшись с места.

Сати мотнула головой.

– Садись, – повторила она. В голосе слышалась усталость.

Вера подошла и аккуратно примостилась на краю кровати. Сати повела плечом и едва слышно застонала.

– Вам удобно? Давайте я вам подушку принесу, чтобы повыше...

– Не таракти, кызым, – натужно рассмеялась Сати, но лицо ее тут же перекошилось. Любимое слово на сей раз не вызвало улыбку на Вериных губах. Нарастала тревога.

– Вам больно?

– Нет. – Сати покачала головой. – Пустяки.

Не нужно было быть врачом, чтобы догадаться: Сати откровенно врет. Но зачем?

– Ну я же вижу... Давайте все-таки позову медсестру. – Вера осмотрела беглым взглядом комнату, но не увидела ни подноса, ни тюбиков с пюре. – Вы завтракали? Может, принести вам перекусить?

– Я не голодна, – заверила Сати и легонько сжала Верину руку. Кожа, обычно холодная, оказалась горячей.

Вера непроизвольно вздрогнула. Температура тела Вечных держалась на два-три градуса ниже смертных, а сейчас у Сати было тридцать восемь и пять, не меньше.

– У вас жар. Нужно позвать врача.

– Ничего не нужно. Ты чего пришла?

Не успела Вера ответить, как Сати, глянув на коммуникатор, приподнялась и села в кровати. Кажется, она собиралась встать с постели.

– Куда вы? – запротестовала Вера, подсакивая, чтобы помочь Сати.

– Меня сегодня ждут в зоне.

Вера почувствовала волну парализующей тело паники. Каждую пятницу все воспитанники старше шести лет собирались в главном зале и смотрели новости. Перед гигантским экраном Вера чувствовала себя ничтожно маленькой. Тем большее впечатление производили видеорепортажи о вылизанных до блеска улицах первого округа, о новой космической станции на Луне, об успехах в восстановлении экологии на зараженных радиоактивными отходами территориях. Однако где-то посередине программы давали и репортажи из зоны. Полуразрушенные многоэтажки, заваленные мусором улицы, оголодавшие оборванцы. А бегущей строкой внизу – субтитры. Они сообщали о количестве самоубийств, изнасилований, стычек на границе и пойманных наркодиллеров.

– Зачем? – вырвалось у Веры.

– Нужно забрать отчеты по новым детям, – ответила Сати самым обыденным тоном.

Вечные, проживавшие в первом округе, были настолько благородны, что позволяли избранным смертным вступать в их ряды. Большинство второсортных в зоне оказывались недостаточно одаренными, но природа – удивительная вещь: то и дело давала розам прорасти среди сорняков. Эти розы и искала Сати: ходила по родdomам, с помощью новейшей техники определяла особенных, забирала в ПЭЦ, где, словно в теплице, заботилась о них до самой инициации. Ошибалась Сати крайней редко и наверняка знала, что ее ждет в зоне.

И тем не менее поездка за стену – это не шутка. Три часа в одну сторону. Вера энергично замотала головой.

– Я вас не пушу.

Сати с умилением посмотрела на нее.

– Вера.

– Если отложить нельзя...

– Нельзя.

– Тогда я поеду вместо вас, – с горячностью вызвалась она и только потом поняла: ведь и у нее поездка займет целый день.

О том, что все документы можно отправить по электронной почте, Вера старалась не думать. Сати любила аналоговые носители и неизменно повторяла: «В тот момент, когда я откажусь от обычной бумаги, этот мир полетит в тартарары». От себя Вера могла бы добавить, что мир, по крайней мере ее собственный, полетит в тартарары в тот момент, когда она отпустит приболевшую Сати в зону. Кивнув своим мыслям, Вера сказала:

– Дайте мне адрес. Я справлюсь.

Сати прищурилась.

– Вера, я тебе очень благодарна, но разве могу я просить о таком одолжении?

– Можете. Я же сама вызвалась. Значит, вся ответственность на мне.

– Ты еще ребенок, моя воспитанница. И я отвечаю за тебя. А не наоборот. – Сухих губ Сати коснулась легкая улыбка.

– Ида сказала, что по закону мне уже все можно, – вспомнила Вера слова подруги. И плевать, что Ида имела в виду совсем другой контекст.

Сати тяжело вздохнула. Вера видела, как внутри нее идет борьба.

– Я справлюсь.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– У тебя же завтра экзамен, – напомнила Сати.

– Я готова, – без колебаний отозвалась Вера.

Теорию она вызубрила, чашками Петри научилась чуть ли не жонглировать. Если у нее не случится временное помутнение рассудка, то на все теоретические вопросы она сможет ответить.

Сати одобрительно кивнула.

– Я в тебе никогда не сомневалась.

Повисла пауза. Между ними существовала связь, причины появления которой Вера не могла объяснить. Это было чувство, заключенное в слове «кызым». Вера ни разу не слышала, что Сати так называла кого-то еще. Глаза заволокли слезы. Любая похвала Сати была бесценной. Вера опустила взгляд на руку Сати, которая лежала на белой мятой простыне, и заметила, что ногти ее покрылись грубыми бороздками и пожелтели.

«Еще вчера так не было, – подумала Вера. – Я бы заметила, когда она качала Киру». Вера тряхнула головой. Какая бессмыслица. За ночь ногти так измениться не успели бы. Скорее всего, она просто не обращала внимания на это раньше.

Сати кашлянула и вновь откинулась на подушку.

– Ладно, – нехотя согласилась она.

У Веры как гора с плеч упала: теперь ей не придется весь день волноваться за Сати. И в ту же секунду она содрогнулась. За Сати волноваться не придется, а вот сама она поедет в зону.

В зону!

И, помимо прочего, Вера вспомнила одну важную деталь.

– Воспитанникам запрещено пересекать границу.

– Я дам тебе доступ. Давай сюда руку.

Вера послушно протянула левую руку, в запястье которой находился чип.

Сати принялась что-то вводить в своем коммуникаторе, потом приложила его экран к Вериному запястью. Чип отреагировал легким электрическим разрядом, от которого по телу побежали мурашки. Вера поднесла запястье к глазам, но там, конечно, ничего не изменилось.

– Только сегодня и только два раза, – строго предупредила Сати. – Туда и обратно. Ты должна успеть до десяти вечера. Жизнь нам медом не покажется, если придется разбираться с директором после начала комендантского часа.

Вера хмыкнула. Уж гулять по зоне она точно не собирается. Чем быстрее вернется, тем лучше. Да и Киру нужно успеть покормить перед сном.

– В какой роддом ехать? Как туда добраться? У кого взять документы?

– Роддом № 1. Там пойдешь в кабинет к главврачу. Его зовут Радий. Я загрузила карту на твой коммуникатор.

Вера опустила глаза и нажала на экран. Высветился маршрут с подробными описаниями: какой скоростной трамвай взять, где находится пограничный пункт, по каким улицам пройти. Волнение немного улеглось. С этим она справится. Если Сати справлялась, то и она сможет.

– Я все сделаю.

Она быстро поднялась на ноги и, собрав крупы смелости, расправила плечи.

– Спасибо, – с нежностью проговорила Сати, когда Вера уже была у порога.

– Выздоровливайте, – отозвалась Вера, не оборачиваясь, чтобы не передумать.

Путь к лифту и до библиотеки занял не дольше обычного, но по ощущению растянулся не меньше чем на час. Ноги налились свинцом, чип больно перекачивался на мышцах запястья. Никакого места в мире Вера так не боялась, как зоны. Даже дикие города-призраки в опустошенной больше двухсот лет назад Европе пугали ее не так сильно.

Подруги сидели за тем же столом, что и накануне. Таня сгорбилась над плазменной столешницей и рассматривала схематическое изображение аденовируса. Ида нервно прокручивала на коммуникаторе какие-то заметки.

– Ты куда пропала? – спросила Ида, поднимая на Веру взгляд, когда та остановилась рядом с ними. – У нас тут конец света. Треть стихотворений не сохранилась. То ли у меня что с коммуникатором, то ли еще что. Пытаемся вспомнить или новые придумать. Садись скорее.

Вера нажала на дисплей своего коммуникатора и поискала стихи. У нее почему-то не было вообще ни одного!

– Святая Вечность! Как это может быть? – воскликнула она. – А у Тани?

– У меня две трети еще есть, – буркнула та, не открывая взгляда от экрана.

– Ну чего ты стоишь? – спросила Ида. – Садись давай. Что у нас там было про аденовирусы?

Вера почувствовала укол совести: она хотела помочь подругам, но здоровье Сати было важнее. Щеки мгновенно вспыхнули от стыда. Вера приложила к ним руки – ладони показались ей ледяными. Она хотела оправдаться, но слова не шли с языка. Прокашлявшись, она ответила:

– Мне нужно в зону, забрать для Сати документы. Пора выбирать новых детей, которые придут нам на смену.

Таня резко распрямилась и вместе с Идой уставилась на нее. Почувствовав, как учащается пульс, точно возникшие на их лицах удивление и паника усиливали ее собственное волнение, Вера постаралась улыбнуться и перевести все в шутку:

– Поработаю ее гонцом, как в Средневековье.

– Подожди... Каким гонцом? Что ты несешь? – ужаснулась Таня.

– Она сказала, что едет в зону. Или мне показалось? – ошарашенно проговорила Ида, обращаясь к Тане.

– Вам не показалось, – ответила Вера. – Но я быстро, туда и обратно.

– Сати тебя заставила? – прищурилась Ида.

– Я сама вызвалась, – возразила Вера и поспешила добавить: – Сати нездоровится. Я должна поехать вместе нее.

– Мы можем ей как-то помочь? – тут же спросила Таня.

– Не думаю, – пожала плечами Вера. – И за меня не волнуйтесь. Сати бы не стала рисковать мной, если бы это действительно было опасно.

– Ты точно вернешься? – спросила Таня.

Кивнув, Вера наклонилась и порывисто обняла ее. Она не могла сказать, кому из них эта близость была нужнее.

– Конечно.

– Ты еду захватила? – спросила Таня. – Если что, откупишься. Говорят, второсортные за еду убить готовы.

Вера покачала головой. Лучше не брать с собой того, что может вызвать интерес.

– Будь осторожна, ладно? – Ида скрестила руки на груди. – Держи коммуникатор включенным и чуть что вызывай гвардейцев.

– Обещаю, – ответила Вера и, улыбнувшись, добавила: – Если что, я на связи. Пока еду, сможем восстановить потерянную часть стихов. Я уверена, мы справимся.

Она зашагала обратно, концентрируясь на маршруте и своей цели. На первом этаже подошла к высоким дверям и провела коммуникатором над замком. Дверь медленно отползла в сторону. Вера сделала глубокий вдох и шагнула вперед, чтобы вернуться туда, где родилась.

Имя: Таня

Возраст: 18 лет

Любимая фразочка:

«Между облаков летать».

И вкусняшки уплетать.

Характер: нежная мечтательница, любит сплетничать и писать стихи.

Кем хочет стать: драматургом.

Имя: Ида

Возраст: 18 лет

Любимая фразочка:

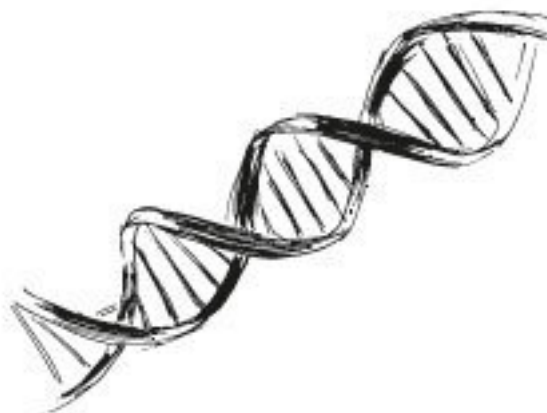
«По закону, между прочим, нам уже все можно!»

Характер: Собранный, саркастичный, любит ставить неудобные вопросы, чтобы добраться до истины.

Кем хочет стать: прокурором.

Глава 2

Улица встретила Веру жарой, неподвижным воздухом и сильным запахом свежескошенной травы и жасмина. Казалось, до него можно было дотронуться и нащупать ароматизатор, который специально добавляли в воздухоочистительных сооружениях. Каждому месяцу соответствовал свой. Вера больше всего любила декабрь: он пах корицей и медовыми пряниками.

ПЭЦ находился на самой окраине первого округа. Сколько бы Вера ни кичилась своей принадлежностью к лучшему из двух миров, настоящий *центр* находился далеко. Оказавшись на тротуаре перед ПЭЦ, она по привычке встала спиной к «щепке» и замерла, устремив взор на восхитительную архитектуру. Здания были самой причудливой формы: одни похожи на гигантские цветы, другие – на деревья, скрученные по спирали, разветвляющиеся посередине и вновь соединяющиеся под крышей у облаков. По стенам тянулись вертикальные парки. Пространство между зданиями было изрезано высокоскоростными магистралями. Между ними планировали винтокрылы. От такого летательного аппарата, едва ли больше обычной машины, но с крыльями как у стрекозы, Вера бы точно не отказалась. Никаких пробок и общественного транспорта. Комфорт, доступный состоятельным Вечным. И среди них однажды окажется Вера, если попадет на работу в Геном. Ее апартаменты затеряются в облаках, а на крыше будет ждать винтокрыл небесно-голубого цвета.

Она улыбнулась, представляя, как впервые сядет за штурвал, как введет координаты и полетит... Куда? Да куда угодно! Самое восхитительное в личном винтокрыле – это свобода выбора, которой у Веры, по правде говоря, никогда не было.

Но уже совсем скоро все изменится. Еще один экзамен и инициация. Вера тряхнула головой, отгоняя мечты, и развернулась, чтобы добраться до остановки высокоскоростного трамвая СТ1, скользящего по дороге, как стеклянный червь, конечной станцией которого и был пропускной пункт. В противоположную от центра сторону Вера еще ни разу не ездила. Она шагала по тротуару, вымощенному плиткой лазурного цвета. Слева от нее неслись электророллеры и электромобили. Мимо Веры спешили Вечные. Насколько она знала, на окраине первого округа жили бессмертные, занимавшиеся обслуживанием сильных мира сего.

В самом начале, триста лет назад, когда проводилась тестовая фаза исследования сыворотки, ученые инициировали обычных людей, готовых рискнуть своим здоровьем ради денег. Выжили не все, зато идеальная формула была найдена – и она позволила в скором времени элите страны стать бессмертной и навечно закрепить за собой власть над другими.

Спустя десять минут быстрой ходьбы Вера оказалась на остановке и посмотрела на парящую в воздухе над головой голограмму расписания. Следующий трамвай отходил через три минуты.

Закрыв глаза, чтобы отгородиться от нескольких десятков Вечных, собравшихся на остановке, она сосредоточилась на своем сердцебиении. Ей нечего бояться.

СТ1 подъехал практически бесшумно. Он скользил не по металлическим рельсам, а по магнитным полям, которые удерживали его в тридцати сантиметрах от асфальта. Из четырех вагонов выскочили десятки людей. Они смешались с толпой на остановке, разбредаясь во все стороны. Никто никого не толкал, сохраняя уважительную дистанцию. Не дожидаясь, пока остановка опустеет, Вера начала лавировать между людьми.

Она вскочила в вагон и приложила коммуникатор к электронному дисплею около дверей, чтобы подтвердить разрешение на проезд. Все сиденья были заняты, поэтому она ухватилась за поручень. Со всех сторон ее плотно окружали голубоглазые и седовласые Вечные. Откуда брались эти характерные признаки, Вера не знала, но еще не было ни одного бессмертного, которого бы обошла эта участь. Что-то происходило с Вечными после достижения естественного возраста смерти. Будто бы природа пыталась взять вверх, но, проигрывая науке, оставляла на лицах Вечных следы борьбы. Лет через восемьдесят и Вера станет похожей на них. Похожей на Сати.

Перед ее глазами очутился чей-то облысевший затылок. Видно, его обладатель – один из первых Вечных, раз прошел инициацию в таком преклонном возрасте. Раньше сыворотку вкалывали всем, а сегодня достойных иницируют как можно раньше, где-то между восемнадцатью и двадцатью годами, чтобы человек оставался молодым и привлекательным. Правда, среди руководителей Вечной Евразийской конфедерации много тех, кому на момент инициации перевалило далеко за пятьдесят. А бессменному Канцлеру ВЕК – и того больше.

По вагону прошел импульс, и СТ1 помчался к следующей остановке. Электронное табло с картой сообщило, что до границы путь займет три часа. Отличная возможность, чтобы восстановить парочку стихотворений для Тани. Вера ощутила движение за спиной и спустя мгновение сквозь тонкую ткань блузки почувствовала, как кто-то прижимается к ней. Даже не глядя Вера могла сказать, что за ней стоял мужчина. Она хотела отстраниться, даже если при этом уткнется носом в облысевшего Вечного, но ничего не вышло. Чья-то рука опустилась на ее плечо.

– Что за?.. – возмутилась она и со всей силы ударила локтем в живот приставучего незнакомца.

– Вера, ты чего? – кто-то за спиной шумно выдохнул.

Вера вихрем обернулась. Перед ней оказался Макс, слегка согнувшийся и прижавший руки к солнечному сплетению. Пассажиры заоборачивались на них.

– Святая Вечность, прости меня! – воскликнула Вера. – Я испугалась. Думала, пристаёт кто-то.

Кажется, она так разнервничалась из-за поездки в зону, что готовилась к нападению в любую секунду.

– Где? В первом округе? – Макс недоверчиво покачал головой. – Какая у тебя иногда буйная фантазия.Пусти ее лучше на поиск новых теорий о Последней катастрофе, польза хоть будет.

Сделав глубокий вдох, он распрямился и вновь приблизился к Вере, и на этот раз она не спешила его отталкивать. Наоборот, протянула руки и убрала с его лба прямые черные волосы за оттопыренные уши. По ее мнению, Макса они совершенно не портили. Сам же он не любил, когда становилось видно то, что находится за ними. Смотря в его глубоко посаженные карие глаза, находящиеся почти на одном уровне с ее, Вера коснулась кончиками пальцев сначала

теплой кожи, потом – холодного металла. Когда Максу было одиннадцать лет, у него случился первый приступ.

Перемену после урока квантовой физики они проводили в классе. Ученики громко переговаривались. Вера, сидя на краешке парты, болтала с Таней. Вдруг раздался грохот, голоса вокруг разом смолкли. Оглянувшись, Вера увидела, что Макс, который еще секунду назад стоял позади нее, теперь бился в конвульсиях на полу. Его спина выгнулась дугой, глаза закатились, но оставались открытыми, руки скрутило судорогой.

Вера словно оцепенела. Было страшно смотреть на белое как мел лицо Макса, но отвести взгляд было куда сложнее. Казалось, прошли не минуты, а часы, прежде чем она смогла закричать и позвать на помощь. Кто-то еще кричал. Может быть, Таня. Появилась классная руководительница Катрина. За ее спиной медсестра толкала каталку. Учитель физики Бета поднимал Макса, следуя указаниям медсестры. Все происходило как во сне.

Никто не верил, что Макс вернется, хотя бы потому, что больным в центре не место. Но спустя месяц он вновь стоял на пороге ПЭЦ. Во время обследования врачи обнаружили новую аутоиммунную болезнь – синдром интеритус, – случаев которой до сих пор в истории официально зарегистрировано не было. Нервные окончания спинного и головного мозга разрушались, и только металлические датчики, вживленные в кожу за ушами и постоянно подающие в организм нужные препараты, могли замедлить необратимый процесс. Оставалась еще, конечно, надежда на инициацию, но право на нее нужно было заслужить, доучившись в ПЭЦ. А пока Макса лечили экспериментально, и Вера не исключала, что ему позволили вернуться в ПЭЦ, желая со всеми удобствами изучать его болезнь, при этом не оставляя годами спать в лаборатории, как подопытное животное. Почему синдром интеритус в принципе кого-то интересовал, если Вечные не болели, Вера не знала, но списывала это на любопытство, которым славилась ученые всех времен и народов.

С тех пор Макса от одноклассников стала отличать не только неутолимая жажда знаний, но и постоянные головные боли и длинные волосы, за которыми он прятал следы своего недуга. Он намеревался найти лечение от своей болезни, и то остервенение, с которым он набрасывался на новые знания, пугало всех. Всех, кроме Веры. Она уважала Макса – за настойчивость и непоколебимую уверенность в успехе.

Трамвай завернул за очередной угол и остановился. Из вагона вышла чуть ли половина пассажиров. Остались гвардейцы в темно-зеленой камуфляжной форме да несколько неприметных женщин. Вера и Макс устроились на освободившемся двухместном диванчике.

– Что ты делаешь в СТ1? – спросила Вера.

– Я ехал от врача, мне заправили датчики новой порцией лекарств, должно хватить до самой инициации. Вот... Я уже собирался выйти из вагона на остановке, а тут смотрю: ты! – Макс нахмурился. – Куда ты едешь?

Вера отвела глаза, не желая признаваться в том, как собирается провести последний день перед главным экзаменом. Макс наверняка начнет ее отговаривать и будет прав.

– Я к вечеру вернусь.

Макс прищурился.

– Вернешься? Откуда?

– Из зоны.

– Из зоны?! – Его широкие черные брови удивленно взлетели.

Вера вздохнула. Другой реакции она и не ожидала.

– Я ненадолго. Только для Сати кое-какие документы заберу.

Макс уставился на нее.

– Какого черта ты должна ехать в зону? Накануне последнего экзамена! Вера?!

Щеки и уши загорелись.

– Подумаешь, – отмахнулась она. – Ничего страшного.

– Ничего страшного – это съесть на обед две порции вместо одной. Или надеть юбку задом наперед. Это ничего страшного. А ехать в зону – это опасно! Ты видела, что по новостям в прошлую пятницу показывали? Подростки женщину до смерти избили! И ты знаешь за что? За то, что она высказалась в пользу бессмертия! Представляешь, что они там с тобой сделают, в твоей беленькой юбочке с рубашечкой?

Новости Вера видела. И про непримиримые разногласия между смертными и Вечными тоже знала.

Все дело было в так называемой инициации, когда после введения сыворотки бессмертия температура тела значительно понижалась, зато и метаболизм замедлялся, и даже появлялась возможность обходиться длительный период без кислорода.

Правда, в этом заключается большой минус. Сразу после создания сыворотки перед исследовательскими институтами стали собираться верующие, критикуя ученых, возмнивших себя богами. Вскоре к ним присоединились и те, кто упрекал ученых в создании настоящих вампиров. Они рисовали транспаранты, залитые красной краской, подразумевая кровь, которой питались мифические существа. То, что все объяснялось обычной генной инженерией и никакой крови Вечные не пили, уяснять они не хотели. Канцлер, удивительно терпеливый человек, пытался успокоить людей, но без толку. Между Вечными и смертными выросли стены из непонимания и нежелания признать мнение другой стороны. Двадцать лет назад невидимые барьеры заменили высокие стены из бетона, призванные защитить людей обоих округов.

Вера положила ладонь на колено Макса и, посмотрев ему в глаза, вкрадчиво произнесла:

– Я справлюсь.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты туда одна совалась, – проворчал Макс, опуская руку поверх Вериной и слегка сжимая ее. – Тем более сегодня.

– Я этот экзамен даже во сне напишу.

Макс нахмурился.

– Я провожу тебя до границы.

– Это совсем не обязательно, – поспешила заверить Вера.

– А вот и обязательно, – улыбнулся Макс и обнял ее за плечи.

Вера с облегчением прижалась к нему. Как хорошо, что он у нее есть.

До границы они доехали, не разжимая объятий. Вера рассказала Максиму про мнемотехнику – способ помочь Тане, – и они принялись помогать восстанавливать утерянную часть стихотворений. Некоторые теперь стали даже лучше оригинальных.

Между делом Макс возвращался к волновавшей его теме – вариантах распределения после выпускного. Он отталкивался от рейтинга воспитанников, их предпочтений и результатов прошлых лет. Вера не перебивала, надеясь, что за этими рассуждениями он забудет о ее поездке в зону. Относительно себя Макс был абсолютно уверен – впереди его ждала блистательная карьера в Геноме. И Вера знала, что так оно и будет. Ежегодно туда принимали только двух выпускников. Обычно, но не всегда, в Геном направлялись те, кто занимал первые две строчки рейтинга ПЭЦ. Наверно, и ее распределят туда же, чему она должна была несказанно радоваться. Геном считался самым желанным местом работы в первом округе. Там находились современные лаборатории, а финансирование исследовательских проектов было практически безграничным. Сотрудники исследовательского института вызывали уважение, а его руководительнице Мирославе, создательнице сыворотки бессмертия, буквально поклонялись. Работать в таком месте бок о бок с Максом – счастье.

Когда до остановки оставались считанные минуты, Вера еще раз заверила его, что скоро вернется. Он пригладил ее волосы и попросил быть осторожной. Вспорхнув с сиденья и, как только двери открылись, перепрыгнув через ступень, Вера оказалась на улице. Вместе с ней вышли все пассажиры. В вагоне, который через пару минут из четвертого превратится в первый, когда СТ1 направится обратно в центр, Макс остался в одиночестве.

Границу окружала высокая бетонная стена, уходившая высоко в небо, а на уровне глаз тянулись непрерывной линией ярко-красные камни. Ближайший пропускной пункт находился метрах в ста за остановкой. Примерно на половине пути чип на запястье начал слегка вибрировать. Вера боялась самой зоны и совсем забыла о том, что прежде ей нужно перейти границу. Попасть из первого округа в зону было проще, чем наоборот. Она вспомнила, как на уроке безопасности им показывали видеоролик о принципах работы защитной стены. По всему периметру стены насчитывалось пятьдесят пропускных пунктов. Нарушителей, пытавшихся перебраться через границу в обход, ждала пытка – после предупреждающей вибрации чип в запястье начинал посылать болезненные электрические разряды по телу. Попытка вырезать чип, чтобы остаться незамеченным, тоже не имела смысла: камни красной линии были напиготованы датчиками и, заметив любое несанкционированное движение, отправляли данные на базу гвардейцев. Военные, все как один, носили увесистые бластеры и не боялись их использовать. Наглядный пример с бионической куклой в видеоролике им тоже показали. Представив, как луч бластера прожигает насквозь не куклу, а ее саму, Вера передернула плечами и потеряла запястье. Хоть бы Сати ничего не напутала, когда давала ей доступ.

В сплошной стене, защищавшей первый округ от зоны, находились широкие ворота, через которые мог бы проехать восьмиколесный военный страйкер. Их закрывала металлическая решетка. Она звенела от проходящего через нее электрического тока. А слева от ворот Вера увидела коридор для пешеходов. Перед пропускным пунктом несли службу двое гвардейцев.

В очереди перед коридором Вера стояла вместе с пятью мужчинами, которые ехали с ней в трамвае. Она беспрепятственно прошла мимо расступившихся гвардейцев к распознавательной системе – светящейся рамке с квадратным экраном на уровне груди. Вера провела запястьем перед ним, тот моргнул и вместо красного креста показал зеленую галочку. Путь был свободен. Удивительно, но вместо облегчения – ведь система пропустила – Вера почувствовала, как ноги одеревенели. Оказывается, она до последнего надеялась, что Сати не справилась с техникой и идти на ту сторону не придется.

Гвардейцы вежливо расступились и коротко кивнули. Вера зашла в ярко освещенный коридор. Ее шаги отдавались эхом. Воздух здесь казался разряженным. «Все будет хорошо», – повторяла про себя Вера. Она и сама не знала, что ожидала увидеть, но, пройдя каких-то десять метров и оказавшись на той стороне, обнаружила: температура не изменилась. Глупо, наверное, было ожидать еще большей жары. Но зато воздух оказался совершенно другим. Зона пахла *помойкой*. Нос щипало, глаза застилал пыльный туман.

Вера сделала еще несколько шагов и остановилась, чтобы рассмотреть большую площадь, вымощенную разбитыми серыми булыжниками. Людей было много. В изношенной одежде, с каким-то тележками, заваленными грязным тряпьем и пакетами, они спешили... Куда именно, Вера не могла понять. Куда могут торопиться люди, безработные, без цели в жизни, чье существование зависит от дотаций первого округа? В своей опрятной белой одежде Вера чувствовала себя и вправду белой вороной.

За площадью начинались кое-какие постройки в три – пять этажей. Однотипные хибары стояли ровными рядами, без балконов, облицованные плиткой, которая, видимо, когда-то была оранжевой, а теперь стала коричневой. Между зданиями ютились дома пониже, будто бы сложенные из подручных материалов типа фанеры и пластмассового сайдинга. Вряд ли такие небезопасные постройки были официально разрешены, но, похоже, это здесь никого не беспокоило. Куда ни глянь, повсюду были неказистые дома и люди под стать архитектуре. Вера видела репортажи из этих мест и знала, что красотой зона не блещет, хотя по сравнению с центром вообще ничто не казалось красивым.

Вера мысленно поблагодарила Сати, что та забрала ее отсюда в ПЭЦ. Если бы кто-то спросил, зачем Вера из кожи вон лезет, чтобы порадовать замдиректора, она бы просто показала фотографии зоны.

Вера бросила взгляд на коммуникатор, чтобы свериться с картой. В паре шагов от нее с грохотом повалилась металлическая тележка, по булыжникам рассыпались консервные банки, пластмассовые бутылки и замызганные одеяла. Вера бросилась помогать владельцу тележки, тощему старику, но тот оттолкнул ее ударом в плечо.

– Не трожь! – гаркнул старик и, расставив ноги шире плеч, неуклюже согнулся пополам и стал поднимать свои пожитки.

Сбитая с толку, Вера замерла и схватилась за руку ниже ноющего плеча. На ее белоснежном рукаве остались пятна красного и черного цвета. Жирные и липкие на вид. Прикасаться к ним не хотелось.

– Извините, – пробормотала Вера и бросилась вперед, лавируя между людьми. И зачем она полезла? Может быть, в зоне не принято помогать друг другу? Нужно поскорее бежать отсюда.

Машин на улице Вера не видела. Тут не было ни городского транспорта, ни даже электро-роллеров. Только люди. Бесчисленное множество людей. Оказавшись около первого на краю площади дома, Вера замедлила шаг. Ей навстречу, размахивая длинной пластмассовой дощечкой, неся мальчишка лет пяти и улыбался. В оборванной одежде, чумазый, он выглядел вполне счастливым.

Какое-то незнакомое чувство шевельнулось в груди. Воспитанники ПЭЦ не были частью жизнь Вечных. Их держали словно рыбок в аквариуме. Раз в полгода их взвешивала и измеряла медсестра, чтобы выдать новую форму, типировали, проверяли и изучали преподаватели, по одному вылавливая сачком из воды и помещая под увеличительное стекло. Вера знала: в результате их ждет свобода и вечная жизнь, но до тех пор они были отрезаны от мира.

Вера шла узким переулком, который даже в полдень казался темным и опасным. Прохожие задевали ее плечами, кто-то наступил на задник балетки и чуть не сорвал ее с ноги. Прохожие говорили, спорили, возмущались. Они были шумными. Хотелось закрыть уши руками, чтобы не слышать этого гомона и криков. Из приоткрытого окна квартиры на первом этаже тянуло гнилостным запахом. Вера почувствовала невероятное облегчение, что выросла в чистом, даже стерильном ПЭЦ, где не пахло ничем, кроме нейтрального дезинфицирующего средства. Надо было и сюда баночку захватить.

Преодолев с десяток переулков, в час дня она наконец вышла к роддому № 1. На фасаде пятиэтажного здания было нарисовано абстрактное синее сердце. В некоторых местах краска облупилась, оголив серые проплешины бетонной стены. Многие окна заколотили пластмассовыми рейками. Около входа стояли мусорные контейнеры.

Здесь чувствовалась смерть.

Здесь родилась Вера.

От отвращения по спине побежали мурашки. Вера мысленно поблагодарила мать, которая сразу после родов отдала ее Сати. Иначе что бы из нее выросло? Зажав пальцами нос, Вера прошла мимо контейнеров и открыла дверь. Уже заходя внутрь, она краем глаза заметила какое-то движение на улице и быстро оглянулась. На углу соседнего здания припарковался серебряный электромобиль. Впервые Вера увидела в зоне машину, и она определенно принадлежала Вечному. Таких крутых тачек у второсортных быть попросту не могло. Вера прищурилась, пытаясь разглядеть, не сидит ли кто за рулем, но тонированные окна не позволили ей этого сделать.

Ходили слухи, что Вечные, пресытившись размеренной жизнью, отправлялись по другую сторону границы и оказывали помощь смертным. Речь в основном шла про женщин, которые брали на себя заботу о детях, неподходящих для ПЭЦ. Младшие школы, детские дома и спор-

тивные площадки во втором округе должны были быть построены безымянными Вечными. Наверняка владелец серебряного автомобиля – как раз из таких заскучавших бессмертных. И Вера понадеялась, что он, увидев, в каком плачевном состоянии находится роддом, найдет средства его отремонтировать.

Вера пошире распахнула дверь и ступила внутрь. Здесь было не лучше, чем снаружи. От едкого запаха хлорки резало глаза. Лампы дневного света раздражающе мигали. На скамейках, расставленных вдоль стен, в больничных сорочках сидели беременные женщины. Глядя на их перекошенные от боли лица и руки, сжимавшие животы, Вера подумала, что им бы не вот так сидеть в коридоре, а прилечь в отдельные палаты, коих здесь наверняка и в помине не было. Какая-то часть ее радовалась, что инициация наступит в сентябре, уже через полтора месяца, и ей никогда не придется проходить через эти муки. Рожать детей Вечные не могли.

Вера вновь сверилась с маршрутом, свернула в коридор направо и подумала, что при первой возможности сама отремонтирует тут все, если только ее никто не опередит.

Она остановилась перед белой дверью, на которую были наклеены черные буквы: «Радий, главный врач».

Вера уверенно постучала.

Ей открыл мужчина в белом халате с бурыми пятнами на животе и на рукавах. «Пожалуйста, пусть это будут следы чего угодно, только не засохшей крови», – подумала Вера и нервно сглотнула. Короткие седые волосы с желтоватым оттенком и водянистые голубые глаза. Перед ней без сомнения стоял Вечный.

– Чем могу быть полезен? – спросил он и поджал тонкие, и без того почти незаметные, губы.

– Меня зовут Вера, – начала она, но тут из конца коридора донесся женский крик, от которого у нее заледенела кровь. – Приехала за документами для Сати, – еле слышно договорила Вера.

– Ну наконец-то, я ждал тебя, – отозвался Радий, никак не отреагировав на крик.

Он повернулся к Вере спиной и направился к своему столу. Когда она не последовала за ним, он бросил взгляд через плечо и кивнул, приглашая зайти.

– Садись, я как раз все подготовил.

Вера сделала нерешительный шаг вперед. Со стен кусками отваливалась лимонного цвета штукатурка. В углах кабинета справа и слева от окна собрались тени – засохшие темные дождевые подтеки. Окно закрывалось негерметично, поэтому в комнате стояла такая же жара, как и на улице. Вдоль правой стены тянулись картотечные металлические шкафы серого цвета. Вера невольно улыбнулась, вспомнив, что у Сати в комнате стоит точно такой же. Может, решение использовать бумагу она принимала не единолично?

Вера подошла к стулу, который стоял у рабочего стола и, по всей видимости, предназначался для посетителей. Его сиденье, обтянутое засаленной тканью неопределенного цвета, не вызывало ни малейшего желания присесть.

– Чего стоишь, садись, – бросил Радий через плечо.

Вера представила себе, как на ее белоснежной юбке остаются жирные пятна. Повертевшись и не найдя другого стула, она присела на самый краешек, на деревянный ободок.

На столе у Радия стоял компьютер – допотопная штукovina с толстыми кабелями и экраном на широкой ножке. «Он тут, наверное, еще с прошлого столетия», – подумала Вера. Радий должен был кого-то прогнать, чтобы застрять среди этой беспросветной нищеты.

– Вот. – На стол перед носом Веры опустилась толстая стопка исписанных от руки листов. – Я тут всех собрал, кто может подойти. Матерей мы пока не предупреждали, но детей всех протестировали. Есть очень интересные экземпляры.

На слове «экземпляры» Вера вздрогнула, но Радий, похоже, этого не заметил.

– Передай Сати, вот тут я отметил самых здоровых, – он ткнул пальцем на страницы, отмеченные зелеными круглыми наклейками, – а вот тут самых интеллигентных. – Другие страницы были помечены красными. – Как и договаривались, все с IQ не меньше 170. Исследования проводили новым прибором. Все-таки двести пятьдесят шесть ядер лучше, чем сто. Прибор мне очень понравился. Определяет все буквально за считанные секунды. Дети даже пикнуть не успевают. Можно тестировать в первый же день.

Вера уставилась на десятки страниц с красными кружками. Откуда в зоне столько людей с высоким IQ? И это только из тех, кого протестировали. Значит, возможно, их гораздо больше. Почему же они продолжают отказываться от бессмертия? Почему не грезят о нем? Это же просто безумие. Любой мало-мальски думающий человек захочет убраться отсюда поскорее!

– А вот тут, – как ни в чем не бывало продолжал Радий, опуская на стол очередную страницу – на ней отсутствовали любые наклейки, а записи были сделаны таким корявым почерком, что Вера не могла ничего разобрать, – как Сати и просила, я нашел потенциального кандидата. Мальчик только что родился. Думаю, Сати будет довольна. Передай ей, что я очень старался.

– Кандидата? Для чего? – переспросила Вера, окончательно теряя нить разговора. Информации поступало слишком много, чтобы успеть ее взвесить и разложить по полочкам.

– Сати знает. А теперь забирай все. Ты свободна.

Он указал ей на дверь, а сам отвернулся к окну. Плечи его опустились. Вере он казался расстроенным. Может быть, он ждал Сати, чтобы похвастаться своим уловом? Но вместо высокопоставленной Вечной сегодня к нему явилась Вера.

Поддавшись импульсу, она сказала:

– Я передам Сати ваши слова и подчеркну, какую важную работу вы проделали.

Радий обернулся и кивнул. На его лице отразилась благодарность. Наверное, он хотел получить заслуженную награду в виде повышения и возможности вернуться в первый округ.

Снова оказавшись в коридоре, Вера выдохнула. Зря она так волновалась, все прошло очень даже хорошо и совсем без происшествий. Она прижала папку к груди и направилась к выходу. На скамейках продолжали сидеть женщины, правда, были ли это те же, она сказать не могла. Вдруг кто-то истошно закричал, заставив Веру замереть на месте.

– Нет! – разнеслось по коридору. – Не отдам!

Какая-то женщина. Вера обернулась. Жалобная интонация отозвалась в сердце. Как будто она уже слышала когда-то подобный крик. Вера постаралась отыскать в памяти этот случай, но не нашла. Зияющая пустота. Вера попятилась, но неведомая сила тянула ее обратно.

– Нет! – снова прокатилось по коридору.

Откуда доносится этот крик? Он будто когтями впивался в сердце. Ругая себя на чем свет стоит, Вера направилась обратно вглубь роддома, мимо замерших на скамьях рожениц. Балетки мягко ступали по растрескавшемуся кафелю в ржавых пятнах. Папка в руках казалась щитом.

«Тебя это не касается. Уходи», – призывал внутренний голос.

«Не могу, – шептала Вера в ответ. Она и правда не могла. Внутри все переворачивалось от душераздирающего крика. – Кому-то нужна помощь».

«Что ты собираешься сделать? Ты понятия не имеешь, что происходит. Не вмешивайся», – голос становился настойчивее.

Игнорируя внутренний голос, Вера шла по коридору туда, откуда доносился крик. По левую руку находилось три двери. Первые две были из фанеры, покрашенной пожелтевшей от времени белой краской, третья – из исцарапанного металла со стеклянным окошком на уровне глаз. Вера дернула ручку первой – не заперто. Палата с одиноким родильным креслом пустовала. За следующей дверью было точно так же. Приблизившись к третьей, Вера заглянула в окошко и ахнула. В палате, стоя на коленях боком к двери, дрожала молодая женщина. Светлые влажные волосы ниспадали на лицо. Больничная сорочка была распахнута на груди. Двое

охранников в черной форме развели и заломили назад ее руки. А третий охранник нависал над ней, держа в руках замотанного в белые пеленки младенца. Тот трепыхался и кричал.

Святая Вечность, что здесь происходит? Вера содрогнулась от паники и ужаса. Захотелось поскорее убежать отсюда, но тело не могло пошевелиться. Как заколдованная, Вера продолжала смотреть на женщину, дергавшуюся между двумя седовласыми охранниками с бластерами на бедрах. Были ли они Вечными? Имело ли это какое-то значение?

Любые движения причиняли женщине боль: при каждой попытке вырваться лицо ее перекашивалось. Она пыталась добраться до плачущего ребенка.

– Я не подпишу отказ! – закричала она. – Я хочу вырастить его сама!

– Не будь идиоткой. Ребенку будет лучше в первом округе, – безапелляционно ответил тот, который держал трепыхавшийся сверток.

Малышу было от силы пару дней, а может быть, и пару часов. Точно Вера не могла сказать. Она с трудом разглядела крохотное покрасневшее личико в пеленках. Не этого ли малыша назвал «интересным экземпляром» Радий?

– Для него лучше остаться с матерью, которая его любит! – закричала женщина, вновь дернулась и, ничего не добившись, разрыдалась.

Что говорит эта сумасшедшая? Лучшее место для детей – это ПЭЦ. Но малыш плакал, и Вера, не в силах больше выносить это, схватилась за ручку и распахнула дверь. Все разом обернулись к ней. Только теперь она заметила, что в дальнем правом углу, не видном через окошко, стоял Радий с папкой в руках, похожей на ту, которую Вера прижимала к груди. Глаза его расширились.

– Что ты тут делаешь? – спросил он, откладывая документы на столик с медицинскими инструментами.

На краю сознания Веры проскользнула мысль, что теперь их придется снова дезинфицировать, если тут вообще хоть что-то дезинфицируют.

– Я услышала крик, – предельно вежливо сказала она, поражаясь спокойствию в собственном голосе, хотя душа ушла в пятки при виде бластеров и испепеляющих взглядов охранников.

– Тебе запрещено здесь находиться. Уходи. Немедленно, – потребовал Радий.

Вера не привыкла спорить. И сейчас, услышав приказ, она тут же сделала шаг назад.

– Стой! – взмолилась женщина, поднимая на Веру заплаканные опухшие глаза. – Помогите мне!

– Вам лучше успокоиться. Ваш плач пугает ребенка. – Вера перевела взгляд на крохотного малыша в руках охранника.

– Но они хотят забрать его у меня! – взвилась женщина.

– Святая Вечность! – разозлился Радий. – Он станет гениальным музыкантом. Ему место среди бессмертных.

Вера кивнула. Конечно, он был прав. Если у ребенка есть шанс на лучшее будущее, он должен его получить. Как его получила Кира и все воспитанники, которых знала Вера.

Обернувшись к матери, она сказала:

– Вы слышали? Он может жить в первом округе среде лучших из лучших. Вы должны радоваться, что у малыша есть надежда на счастливое будущее.

Женщина медленно моргнула и, вдруг обезумев, вырвала свои руки из цепкой хватки охранников. Она бросилась к своему малышу, но третий охранник оказался проворнее – он ударил ее ногой в живот. Со всего маху она налетела на Веру и толкнула ее назад. Затылком Вера со стуком впечаталась в металлическую дверь. Папка с документами для Сати выскользнула из пальцев, отдельные листки взлетели в воздух. Волна тошнотворной боли вспыхнула в голове и разлилась по Вериному телу. Захотелось скукожиться, но какое-то чутье подсказало

ей, что сейчас не время прятаться. Женщина поднялась с коленей и сжала кулаки. Вера бросилась к ней со спины. Руки сомкнулись замком вокруг мягкого живота.

Однако остановить ее не вышло. Вместе с Верой мать ринулась вперед. К своему ребенку. Но охраннику, державшему его, видимо, надоели эти игры.

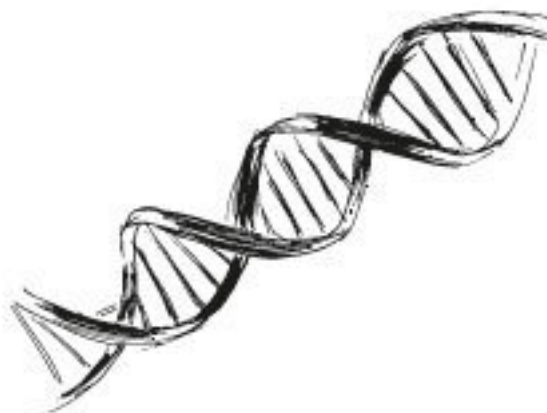
«З-з-з-зынь», – прожужжало в воздухе.

Обжигающая боль пронзила подмышку – и Вера отпрянула назад. Женщина ничком повалилась на пол, на спине в районе сердца зияла дыра. Не в силах поверить в то, что видит, Вера подняла глаза. Радий вжимался в стену. А прямо перед Верой высился охранник, который в одной руке держал притихшего младенца, а во второй – дымящийся бластер. В воздухе запахло горелой плотью.

Вера опустила взгляд – блузка была прожжена лучом бластера до кожи, запекшейся коричневой коркой.

Веру начало тошнить. Она пошатнулась и сползла по двери на пол.

Глава 3

Левая рука горела огнем, ледяными иголками кололо грудь. Но Вера хотя бы что-то чувствовала. Женщина с дырой вместо сердца не почувствует уже ничего.

Прошло три часа с того момента, как Радий выволок Веру из палаты и утащил в свой кабинет. Убрали ли охранники труп? И что сделали с младенцем? С ним наверняка обращались осторожно. Ведь это будущий гений. Вера закрыла глаза и надавила на веки подушечками пальцев правой руки. Забыть бы все, чему она стала свидетельницей.

В семнадцать часов она должна была вернуться в ПЭЦ. Но вместо этого полулежала на сальном стуле, на том самом, на который так не хотела садиться при первой встрече с Радием. Белую блузку заменила больничная сорочка. Окажись эта женщина не такой сильной и не вырвись она из хватки Веры, сейчас на полу лежало бы два трупа. Лазер прошел под мышкой, задев лишь кожу. Ей повезло. Пара сантиметров вправо и... Вера запретила себе об этом думать.

Час назад Радий вколол ей вторую дозу обезболивающих и наложил повязку из эластичных бинтов. На удивление Веры они оказались чистыми, их явно использовали впервые. Шок и лекарства притупили боль, и теперь она рассматривала Радия, который то мерил кабинет шагами, то выбегал в коридор, то вновь возвращался. Радий бросал на нее косые взгляды и нервно вытирал ладони о халат. И да, те бурые пятна на застиранной ткани действительно были пятнами крови. Точно такие же остались на папке с документами, которые Радий собрал с пола палаты и принес обратно в кабинет.

Веру передернуло от отвращения.

– Мне нужно возвращаться, – выговорила она с трудом. Во рту пересохло, язык наждачной бумагой царапал небо.

Радий резко остановился и бросился к Вере.

– Рано! Рано!

Голос его дрожал. На лице отражалось беспокойство.

– Дайте мне еще одну дозу обезболивающего. Дальше я разберусь.

Еще никогда Вера не говорила таким тоном со старшими. Всегда вежливая, послушная, она вдруг без робости выдвинула требование. Она даже внутренне приготовилась к тому, что ее немедленно за это накажут, но ничего не случилось. Радий обошел свой стол, выдвинул один из ящиков и вытащил ампулу с желтоватой жидкостью.

– Мне бы не хотелось, чтобы у Сати сложилось неверное представление о моей работе, – проговорил он, протыкая иглой мембрану и наполняя шприц. Ему было плевать, сильный ли у Веры ожог, похоже, Радий боялся только за свою шкуру.

Вера еле сдержалась, чтобы не фыркнуть, но все-таки напомнила:

– Погибла женщина.

– Она была ненормальной, – возразил Радий с непоколебимой уверенностью. – Ее поведение только лишний раз подтверждает, что у второсортных стоит забирать одаренных детей. Она своими двумя извилинами не смогла увидеть, какие возможности открываются перед ее ребенком в первом округе, и мешала его счастью. Она хотела, чтобы он гнил в зоне! Разве я мог этого допустить? Мы должны были защитить его будущее.

Вера понимала. Конечно, в ПЭЦ ему будет лучше!

Но убивать мать? Какое у этого есть оправдание? То, как жили второсортные, не желая двигаться в ногу с прогрессом, буквально застыв в позапрошлом столетии, не отменяло ценности их жизни. Смерть ее нельзя было допускать и оставлять безнаказанной! Интересно, случилось ли подобное ранее? Может, и от матери Киры пришлось избавиться? Нет. Радий так испугался, когда охранник выстрелил из бластера... Наверняка видел такое впервые. Сегодняшняя трагедия стала исключением из правил. Вера кивнула своим мыслям.

Радий присел рядом с Верой. Игла шприца вошла в плечо. По руке от места укола разлился благодатный холод, за которым последовало онемение.

– Боюсь, останется шрам, – пробормотал Радий.

Вера, заметив его взгляд на своей груди, отчетливо проступавшей под больничной сорочкой, резко встала. Радий, помогая ей переодеться сразу после случившегося и накладывая повязку, тоже не упустил шанса будто ощупать ее глазами. Вера почувствовала привкус желчи во рту. Радий потянулся, чтобы поддержать ее под руку, но она отстранилась и взяла со стола папку с документами. Испорченную блузку забирать не стала.

– Я пойду, – отчеканила Вера.

Голова кружилась. То ли от усталости, то ли от обезболивающих, то ли от голода. У двери Вера замерла, пытаясь собраться с силами, прежде чем выйти из кабинета.

– Может, тебя отвезти домой? – предложил Радий.

– Я справлюсь, – ответила Вера и взялась за дверную ручку, но после непродолжительного колебания добавила: – С ребенком все будет хорошо?

Лицо Радия вытянулось.

– Иначе и быть не может. Теперь он в надежных руках.

Вера кивнула и, выйдя в коридор, захлопнула за собой дверь. Стараясь не смотреть по сторонам и подавляя желание на всякий случай зажать уши, чтобы вновь чего лишнего не услышать, она покинула здание роддома, дошла под испепеляющими лучами солнца до соседнего дома и тут же привалилась к стене в тени балкона, выступавшего на втором этаже. По глубоким трещинам в бетоне создавалось впечатление, будто балкон в любой момент оторвется и свалится Вере на голову. Что ж, это было бы достойным завершением прекрасного дня.

Святая Вечность, как на самом деле могло произойти то, чему она стала свидетелем? Соппротивление матери не вписывалось в картину мира, который знала Вера. Второсортные должны были с радостью отдавать своих детей в ПЭЦ, а не бросаться на горящие бластеры. Чем больше Вера думала, тем крепче становилась уверенность: убийство сумасшедшей, но беззащитной матери – это исключение. Должно было им быть! Иначе... Ноги стали ватными. Нужно срочно возвращаться в первый округ, поговорить с Сати, удостовериться, что она разберется с Радием! Нельзя применять силу там, где достаточно слов. Вера слегка приподняла левую руку, стараясь не замечать неестественный холод под мышкой, посмотрела на коммуникатор и ужаснулась. Стекло экрана покрылось паутиной из трещин. Зажав папку между коленями, она принялась водить и даже стучать по дисплею пальцем. Никакой реакции. И что ей теперь

делать? Как найти путь обратно к пропускному пункту? Как связаться с Сати, Максом и девочками? Прошло больше девяти часов, они наверняка себе места не находят.

Что ж, стоит попробовать вернуться тем путем, которым пришла. Кажется, вот за тем покосившимся домом нужно свернуть направо, а потом дойти до конца улицы.

Предположение оказалось неверным. В блужданиях по однотипным кварталам прошло не меньше часа. Обезболивающее переставало действовать, обожженную кожу вновь зашипило. Вера остановилась. Сколько времени у нее осталось до начала комендантского часа? Слезы навернулись на глаза. Хотелось домой, спрятаться под одеялом и забыть этот день. Кто-то толкнул ее в спину, и она покачнулась.

– Эй! – крикнула она какому-то костлявому мужику вслед, но тот уже скрылся в толпе.

Вера поклялась, что больше никогда не вернется в зону.

Еще три квартала, и впереди наконец показался пропускной пункт. Металлическая решетка ворот выглядела черной. Из груди вырвался громкий вздох облегчения. Протискиваясь между прохожими, Вера надеялась, что гвардейцы пропустят ее без лишних вопросов. Однако, оказавшись в паре метров от них, она поняла, что ее надеждам не суждено сбыться. Военные смотрели на нее как на остальных жителей зоны – с отвращением.

Вера окинула себя взглядом. В бегах по злосчастной зоне она позабыла про заляпанную бурыми пятнами юбку, про медицинскую сорочку, про перепачканные в крови пальцы. Святая Вечность, она выглядит не лучше той женщины, которая осталась лежать в палате на полу! Паника сковала ноги. Теперь понятно, почему гвардейцы так на нее посмотрели. Нужно дать им как можно больше точной информации, чтобы развеять их подозрения.

Вера затараторила:

– Добрый вечер. Я воспитанница Первого экспериментального центра. Ездила в первый роддом по поручению заместителя директора Сати. Вот тут документы, которые мне нужно ей доставить. Случилась неприятность. Коммуникатор разбился. Но чип работает, пропустите меня к сканеру. Пожалуйста.

Вера протянула вперед папку, стараясь прикрыть пальцами пятна крови. Один из военных с переломанным в нескольких местах носом уставился куда-то поверх плеча Веры. Второй безразличным тоном заявил:

– Не загораживай проход.

– Что значит «не загораживай проход»? У меня есть разрешение! Допуск! Вот, смотрите, – сказала Вера и по инерции протянула запястье, под кожей которого слабо мигал красный огонек. От этого движения ее пронзила вспышка боли. Вера охнула и скривилась, обхватив себя за бок. – Я же говорю, я выросла в ПЭЦ. Пропустите меня!

– Не загораживай проход, – сказал второй гвардеец. – Думаешь, ты первая, кто пытается так проникнуть в первый округ?

– Так – это как? – опешила Вера.

Он смерил ее надменным взглядом. Ледяные глаза задержались на папке с документами.

– Можешь выкинуть свою папку. Я здесь сто лет служу. Меня таким не обманешь.

– Но я никого не обманываю! Посмотрите!

Вера распахнула папку, вытащила наугад одну страницу и сунула ее под нос охраннику. Но тот не удостоил ее даже взгляда.

– Я тоже могу все что угодно написать и наклейки наклеить.

В знак того, что разговор окончен, оба гвардейца как по команде скрестили руки на груди, загораживая проем в стене для пешеходов. Находящиеся рядом ворота для автомобилей оставались закрытыми, так что бежать к ним под убийственными взглядами гвардейцев не имело смысла.

Вера беспомощно оглянулась. Как же так? Только из-за того, что она выглядит как обрванка, они думают, будто она второсортная? Это несправедливо! Но их двое, и у них бла-

стеры. Память услужливо подбросила ей картинку из роддома, а в ушах раздался отголосок тошнотворного «зззззынь». В этот раз Вера вряд ли отделается ожогом. Нужно кому-то пожаловаться, но кому? В зоне, кроме Радия, она никого не знала, однако к нему и его липким взглядам возвращаться не хотелось, да и дорогу она бы вряд ли нашла. Связаться с Сати или Максом не представлялось возможным.

Это что же, получается, она останется ночевать в зоне? Прямо тут, на земле? Даже если температура в июле ночью опускается не ниже пятнадцати градусов, в юбке и тончайшей больничной сорочке Вера околеет. А Кира? Она ведь обещала зайти к ней. А как же комендантский час? Если директор прознает про ее отсутствие ночью, ей несдобровать. Воспитанникам полагается спать ночью в ПЭЦ, а не шастать неизвестно где. С Веры снимут жизненно важные баллы, и тогда поминай как звали хорошее распределение и безоблачное будущее.

А если ее вообще не допустят до последнего экзамена? Если она в принципе не попадет на него? В животе замутило. Без экзамена по микробиологии ее учебная программа не будет считаться завершенной, а значит, она не получит разрешения на инициацию!

Восемнадцать лет она готовилась к бессмертной жизни. Восемнадцать лет планировала, как с высоко поднятой головой пойдет на инициацию на глазах у всего первого округа. Восемнадцать лет с волнением и восторгом смотрела в будущее, где у нее за облаками будут апартаменты, а на крыше – ждать личный винтокрыл. А теперь из-за какой-то нелепой случайности и гвардейского произвола она должна этого лишиться?

Ужас, какого она еще ни разу в жизни не испытывала, сковал ее душу и тело. Ладони вспотели. Превозмогая себя, Вера попросила:

– Позвольте мне доказать, что у меня есть доступ. Вам же ничего не стоит. Дайте мне пройти к сканеру.

Она надеялась, что им будет лень с ней спорить и они пустят ее к светящейся рамке, но вместо этого гвардеец с кривым носом резким движением выхватил бластер из кобуры и навел его на Верину грудь. Бластер тихо зажуужал.

Вера вскрикнула, отскочила в сторону ворот и поскользнулась на неровном булыжнике. Взмахнув руками, она сохранила равновесие, но второй раз за день чертова папка выпала у нее из пальцев и шлепнулась на землю.

Пространство разорвал пронзительный визг тормозов. Вера обернулась, но было уже поздно. Удар пришелся на левое бедро. Вера отлетела и приземлилась на ягодицы, вовремя успев отвести руки, чтобы не повредить спину или голову. Острая боль пронзила поясницу. Рядом с Верой остановилась серебряная машина, и незнакомый парень, не захлопнув за собой откинутую вверх дверь со стороны водительского сиденья, бросился к ней.

– Господи, как ты? – спросил незнакомец, присаживаясь рядом. Его голос был мягким и успокаивающим.

Вера окинула незнакомца взглядом. На черной ткани его элегантного костюма были нашиты декоративные молнии. Они расходились серебряными змейками по его плечам, манжетам и лацканам пиджака. На груди в районе сердца была усыпанная изумрудами и бриллиантами брошка в форме лежащей на боку восьмерки, которая символизировала вечность. Пышные ресницы, такие темные и длинные, что они казались искусственными, обрамляли ярко-зеленые глаза. Такого цвета глаз Вера еще ни разу не видела. Словно кто-то подсветил изнутри изумруд. У нее перехватило дыхание. На пару мгновений она даже перестала чувствовать боль.

– Для человека, которого только что сбила машина, кажется, вполне неплохо, – наконец сказала она, напоминая себе, где находится и почему.

Незнакомец с заметным облегчением шумно выдохнул. Вера непроизвольно перевела взгляд на его четко очерченные губы, смутилась и тут же вновь подняла глаза. Выющиеся каштановые волосы незнакомца отсвечивали медными бликами в лучах солнца. Локоны были уложены назад, но одна прядка спадала на высокий лоб. Идеальные пропорции, высокие скулы

– такие лица высекали скульпторы эпохи Возрождения, стремясь создать совершенные произведения искусства. Вера с особенным трепетом изучала этот период истории, когда человек, наделенный разумом и бессмертной душой, стоял в центр мироздания. Незнакомец, склонившийся над ней, казался воплощением идеального человека эпохи Возрождения. Вера не могла оторвать взгляд, хотя для нее было совершенно несвойственно любоваться чьей-то внешностью.

– Может, я повредила голову? – спросила она, вдруг засомневавшись в себе из-за странной реакции.

– Ты приземлилась на попу.

– У многих людей там находятся мозги.

Вера бросила взгляд на гвардейцев. Те даже не шелохнулись. То, как они отреагировали – или точнее, как не отреагировали – на происходящее, говорило о многом. Похоже, они правда могли выстрелить в нее. Интересно, скольких людей из зоны постигла такая участь? Как сильно нужно было задурить этим людям мозги, чтобы они вели себя по-звериному?

– Господин Аарон, – обратился к незнакомцу гвардеец, целившийся в нее из бластера, – да она специально под машину бросилась. Сбежать пытается.

– Не обращайтесь внимания. Садитесь в машину и поезжайте спокойно по своим делам, – добавил второй.

Вера почувствовала, как закипает от гнева. Мало того, что они ей не поверили, так еще и наговаривают! Только слепой бы не увидел, что под колесами автомобиля она оказалась случайно. А если они переубедят этого «господина Аарона»? Что тот сделает? Страх и злость с новой силой подстегнули ее, она начала судорожно придумывать, как доказать свою принадлежность к первому округу.

Аарон резко поднялся.

– Рты закрыли и вернулись на свои посты.

Голос его вдруг стал таким холодным и властным, что Вера невольно отпрянула. Если бы он заговорил таким тоном с ней, у нее бы сердце в пятки ушло. Но сейчас он защищал ее, и первоначальный испуг уступил место благодарности.

– Так точно, – отозвались оба гвардейца пристыженно и отступили ко входу.

Аарон проводил их тяжелым взглядом, а потом присел на корточки рядом с ней.

– Извини, – снова мягко проговорил он.

– За что?

– За этих двух идиотов. Они не имели права так с тобой говорить.

После нескольких часов боли, ужаса и страха было важно почувствовать чье-то неравнодушие. В глазах неожиданно защипало от подступивших слез.

– Спасибо, что заступились за меня.

– Нашла за что благодарить, – фыркнул Аарон. – И давай на «ты». Тебя как зовут?

– Вера, – чуть слышно произнесла она.

– А меня Аарон. – Он оглядел ее с ног до головы. – Встать можешь?

– Не знаю.

Он потянулся к ней, но замер, так и не дотронувшись.

– Можно? – спросил он.

Вера кивнула.

Его рука легла ей на талию. Холод, свойственный Вечным, проник сквозь медицинскую сорочку. Аарон осторожно поднялся и потянул Веру за собой. Ее бедро, копчик и плечо пронзила боль. Колени подкосились, и Вера, застонав, обмякла в его руках.

– Нам нужно отвезти тебя в больницу. Я думал, что толком не задел тебя. Где болит?

– Везде.

Даже если в действительности у нее был лишь ушиб и ожог, болело все тело. Аарон прав, было бы разумно показаться врачам, но Вера боялась, что ее могут надолго оставить в больнице, а ведь до комендантского часа оставалось не так уж и много времени! Собрав волю в кулак, Вера заставила себя распрямиться.

– Мне уже лучше.

Аарон недоверчиво нахмурился. Вера сделала шаг назад, желая доказать, что с ней все в порядке, но идея была плохой: от бедра по всей ноге разлилась горячая волна боли. Всклипнув, Вера закусила губу.

– Ага, я вижу, как тебе лучше.

Аарон вновь обнял ее за талию, и Вера с радостью прислонилась к нему, перенеся вес с травмированной ноги на здоровую. Второй рукой Аарон обхватил ее запястье. Он был выше по меньшей мере на голову, и потому ему пришлось наклониться, чтобы закинуть ее правую руку себе на плечи.

– Пойдем.

В этот раз Вера не пыталась идти сама, а позволила Аарону буквально отнести себя к машине. Оказавшись с противоположной от водителя стороны, он сказал:

– Открыть дверь.

Вера встрепенулась.

– Как... – Но задать вопрос до конца не успела.

Дверь выдвинулась на несколько сантиметров и плавно заскользила в сторону и вверх. Конечно, Вера прекрасно знала о голосовом управлении машинами, но впервые столкнулась с ним лично. Большая часть жизни воспитанников проходила в стенах ПЭЦ. У них не было ни денег, ни времени кататься по первому округу. Кто-то выбирался гулять по воскресеньям, Вера же проводила свободное время либо в детском отделении, либо в ближайшем парке, поэтому понимала во всем этом не так много.

Аарон помог ей удобно устроиться на соседнем с водительским сиденьем, с осторожностью застегнул ремень безопасности. В салоне пахло миндалем и мандаринами. Вера с наслаждением вдохнула полной грудью теплый аромат. По спине пробежали мурашки. Осмотревшись в поисках источника, она, к своему стыду, сообразила, что это был запах Аарона. Просто за пеленой боли она не заметила этого раньше. К щекам прилила кровь.

Аарон встретился с ней взглядом.

– Если ты переживаешь из-за кожи, то она искусственная.

– Что? – спросила Вера.

Она уставилась на Аарона и подумала о том, что его молочно-белая кожа была ровной и гладкой. Неважно, сколько ему было на самом деле лет, выглядел он немногим старше Веры.

– Сиденья. – Аарон кивнул в сторону обтянутых бежевой кожей сидений электромобиля. – Это имитация, хоть и высококачественная.

– А, да, очень хорошо, я рада.

– Ты странно себя ведешь. Может, все-таки в больницу?

– Мне нельзя в больницу, – запаниковала Вера.

Аарон поднял одну бровь.

– Почему?

– Вдруг меня госпитализируют? Нет, точно нельзя. У меня завтра последний экзамен перед выпускным. Я должна на нем быть, даже если придется вернуться с того света.

Аарон осмотрел ее с ног до головы, видимо, что-то прикидывая, и наконец спросил:

– Ты можешь поклясться мне, что не собираешься трагически умереть от внутреннего кровотечения?

Вера улыбнулась. Ей нравилось его чувство юмора.

– Клянусь.

– Ладно, – Аарон кивнул, – но у меня есть одно условие. Я отвезу тебя домой. Если по пути тебе станет плохо, я хочу быть рядом, чтобы помочь.

Вполне логично и как нельзя кстати. Аарон сможет провести ее через границу, и ей не нужно будет вновь спорить с узколобыми гвардейцами. Не придется придумывать, как воспользоваться сломанным коммуникатором в СТ1. И, самое главное, она успеет зайти в ПЭЦ до комендантского часа, когда двери закроются и попасть внутрь до утра никак не получится.

– Договорились.

Аарон кивнул, распрямился и надавил рукой на дверь с ее стороны, под его напором та начала опускаться. Вера следила за тем, как он уверенным шагом обходит машину. Ее взгляд скользнул к гвардейцам, которые с затаенной злостью смотрели в их сторону, и остановился на папке, лежавшей на дороге.

– Я забыла папку! – Вера замахала здоровой рукой, указывая Аарону на папку. – Пожалуйста, подними!

Через минуту заляпанная кровью папка лежала на ее коленях. Аарон провел указательным пальцем по центральной панели машины, так что она засветилась сиреневым цветом, будто была кристаллом с жидкой сердцевинкой. Вера заворуженно смотрела, как поверхность меняет форму и становится многогранной. После нескольких секунд трансформаций она стала походить на карту первого округа, где особенно ярко отразилось одно здание. По форме оно напоминало... Щепку! Вера уставилась на Аарона.

– Откуда ты знаешь, что я из ПЭЦ?

– Выпускные экзамены в твоём возрасте только у воспитанников ПЭЦ и бывают, – невозмутимо ответил он, нажав на кнопку рядом с рулем. Машина плавно, словно по воздуху, заскользила в сторону ворот. – Я прав?

– Да.

Аарон улыбнулся.

– Я всегда прав.

Вера фыркнула. Вдруг машину ослепило зеленым светом, точно вспышкой, и чип завибрировал. Что это значит? Сердце затрепетало от испуга. Вера обхватила запястье. Решетка начала отползать в сторону. Проезжая под толщей бетона, Вера непроизвольно вжала голову в плечи и зажмурилась.

– Все уже позади, – раздался успокаивающий голос Аарона, и она медленно открыла глаза. Сначала чуть-чуть, потом полностью.

Вдали сверкали прекрасные высоты первого округа.

Она спасена!

Вера шумно выдохнула и наконец смогла расслабить плечи. Проведя рукой по лицу, заметила, что ладонь стала серой. Вера осмотрела салон, но не нашла зеркала, поэтому выглянула из окна. С внешней стороны двери было зеркало заднего вида.

– Святая Вечность! – воскликнула Вера, увидев свое отражение: на лбу размазана грязь, на щеке капли засохшей крови, волосы частично выбились из тугого хвоста и торчат в разные стороны. Вера стянула резинку и принялась поспешно перебирать их пальцами, словно расческой. Собрать обратно в хвост одной рукой не получилось.

– И я про то же, – ухмыльнулся Аарон.

– Неудивительно, что гвардейцы не хотели меня пропускать.

Аарон пожал плечами.

– Зачем ты вообще во второй округ полезла?

Второй округ? Вера нахмурилась. Никто так зону не называл. Даже в новостях не использовали старое название, оно сохранялось только в официальных документах.

Вера посмотрела на коричневую папку у себя на коленях. Машина ехала так плавно, что папка лежала неподвижно. Вера открыла ее и пролистнула несколько страниц. Имена детей,

идентификационные номера, результаты тестов, разноцветные наклейки. Вера не знала, нарушила ли какой-то закон, когда поехала в зону за документами вместо Сати. Но рисковать ее доверием не хотелось.

– Я не уверена, что имею право рассказывать об этом.

– Понимаю. А почему ты в больничной сорочке, расскажешь?

Вера задумалась и непроизвольно поджала губы. Как рассказать о случае в палате, не выдав ответ на первый вопрос? Помимо этого, боль в подмышке усиливалась. Кожу начало печь, Вера замутило. Она на секунду прикрыла глаза и почувствовала, как становится невесомой.

– Эй! – взволнованно позвал Аарон.

Вера распахнула глаза и медленно заморгала.

– Все хорошо. Я просто устала, – соврала она.

– Ближайшие три часа я хочу от тебя одного – говори со мной. Обо всем на свете. Расскажи мне о себе все.

Вера с усмешкой повернулась к нему.

– Все? – переспросила она.

– Все. Про первый зуб, про первую ссадину на коленке, про любимую книгу, про любимого человека. Где хочешь работать? О чем мечтаешь? Что думаешь про второй округ? Роли не играет, главное, говори. Иначе я немедленно отвезу тебя в больницу.

Вот снова он сказал *второй округ*. Как странно. Только через секунду Вера сообразила, почему ее так удивляет это название. Оно будто отчасти приравнивает зону к первому округу.

Разве кто-то еще так делал?

Вера попыталась вспомнить, когда последний раз слышала это словосочетание по отношению к зоне, но никто, даже Сати, не пытался придать ценности территории, отгороженной бетонной стеной. Почему же это делал Вечный, сидевший с ней рядом? Неужели он не считал смертных второсортными?

Вера нахмурилась, пытаясь разобраться в собственных мыслях. Она смотрела на жителей зоны свысока, ведь они были недалеко, отставшими от интеллектуально развитых Вечных. Однако то, что произошло сегодня в роддоме и на границе, заставило ее впервые усомниться в незыблемости превосходства и благородства бессмертных. Волоски на затылке встали дыбом. Испугавшись собственной мыслью, она решила говорить на безопасные темы.

– Я выросла в ПЭЦ, но скоро выпускной, и я надеюсь получить сертификат на инициацию. Сати верит, что я попаду в Геном.

– Сати?

– Она заместитель директора. Сати заботится обо мне и обо всех остальных детях. Она самый ласковый и заботливый человек на свете.

– Очень категоричное высказывание, не находишь?

– Но Сати именно такая! – возразила Вера. – Например, когда мне было девять лет, я сломала ногу, упав с турникетов во время физкультуры. Сати заходила ко мне каждый день, чтобы провести и подбодрить. Благодаря ей я не просто попала в ПЭЦ, я смогла там остаться.

Аарон прищурился и спустя несколько мгновений кивнул.

– А друзья?

Вера улыбнулась.

– Таня и Ида. У Тани прекрасный голос. Она так поет, ты заслушаешься. А какие стихи пишет! Когда она их читает, знаешь, такое впечатление, что мир останавливается.

Из Веры водопадом лились хвalebные слова. Она рассказывала про их детские шалости, про то, как они действовали Иде на нервы своими песнями, про любовь Тани посплетничать и надежду, что после выпускного ее распределят в академию искусств. Из Тани мог бы выйти потрясающий драматург.

Аарон кивал в нужных местах и задавал уточняющие вопросы. И даже если он просто хотел проверить, не случилось ли чего с Верой во время аварии, она не была против.

– А Ида? – спросил он, когда Вера сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

– Ида наш правозащитник. Знает наизусть все законы.

– Прямо-таки все? – скептически спросил он.

– Все-все! – подтвердила Вера. – У нее фотографическая память. Она прямо целые параграфы запоминает, один раз прочла – и все, без единой ошибки может повторить. Правда, это касается только юриспруденции.

Забавных историй про Иду у Веры был не один десяток. Она вспомнила, как в восьмом классе Ида из принципа не пришла на ежегодное типирование в начале сентября, потому что о дате и времени ее известили не за три дня, как закреплено в уставе, а за два. Классная руководительница Катрина рвала и метала, но в итоге признала свою ошибку и даже согласилась провести для упрямой воспитанницы дополнительную встречу. Вера тогда чуть не плакала от счастья, что ее подругу не исключат из ПЭЦ, а Ида лишь безразлично пожимала плечами: на ее стороне была истина.

– Они лучшие подруги на свете, – добавила Вера.

Небо тем временем окрасилось в красный цвет. Дома по обе стороны от дороги становились все выше.

– А что насчет тебя? – спросил Аарон, когда Вера, залюбовавшись сверкающими в лучах заходящего солнца фасадами величественных зданий, надолго замолчала.

Вера открыла рот и снова закрыла. Как просто было говорить про других и как сложно – рассказывать про себя. Тем более когда не знаешь, готова ли ты признаться, что ничего особенного из себя не представляешь. Но они сидели наедине в машине, где никто ее не мог услышать. И, скорее всего, эта поездка будет единственной в их истории. Он подбросит ее до ПЭЦ, чтобы очистить совесть, и навсегда Веру забудет. Да и она, захлопнув за собой дверь машины, оставит в прошлом этот ужасный день. С Аароном можно было быть искренней.

Вера посмотрела на его профиль, на горбинку на носу, которая делала его лицо еще более привлекательным.

– Я не знаю, – наконец призналась Вера.

Аарон оторвал взгляд от дороги и посмотрел ей в глаза.

– Неужели у тебя нет какого-нибудь таланта? Может, ты умеешь стоять на голове?

Вера грустно засмеялась.

– Я совершенно обычная.

– Уверен, что это не так.

– Ты ошибаешься. То есть... Я первая в рейтинге, но вовсе не потому, что невероятно одаренная или интересуюсь всеми предметами в равной степени. Мне кажется, что все как раз наоборот. Я корплю над учебниками до рези в глазах, но делаю не из интереса, а просто потому, что так нужно. И, честно говоря, чтобы порадовать Сати. Я не такая, как, например, Ида. Если захочу, то да, могу зазубрить любой материал, но... Я хотела бы писать стихи или трепетать от восторга при виде очередного справочника по юриспруденции, но ничего из того, что мы изучаем в ПЭЦ, не делает меня счастливой, – призналась как на духу Вера, поражаясь самой себе. С какой стати она вообще заговорила про счастье? – Я стремлюсь попасть в Генком, потому что это... Правильно? – Вера сделала паузу, ощутив, как по спине пробежали холодные мурашки. Стало стыдно, к щекам прилила кровь. Разве такие разговоры должна вести воспитанница ПЭЦ? Испугавшись самой себя, но не в силах сдержаться, она добавила: – Я совершенно не понимаю, в чем смысл моей жизни.

– Никто не рождается с ним. Его не кладут в колыбель. Его не вписывают в паспорт. Найти его – это исключительно забота каждого из нас, и для этого нужно время, – сказал Аарон мягко, но уверенно. – Кто-то так и проживает всю жизнь, не разобравшись в себе. Кто-то – а

я думаю, что ты относишься к этому числу людей, – должен многое попробовать, прежде чем найти себя. И, мне кажется, это очень здорово.

Это слова дарили надежду. Как важно было услышать, что ее понимают.

– Спасибо, – сказала Вера. – И спасибо, что спас меня на пропускном пункте.

Аарон поднял бровь.

– После того, как сам же и сбил?

Вера заулыбалась. Как много она улыбалась рядом с ним, несмотря на сложившуюся ситуацию!

Аарон отбивал какой-то ритм пальцами по рулю из бежевого пластика, похожего по фактуре на древесину. Однако вряд ли он был вырезан из настоящего дерева. На запястье тихо позвякивал браслет из переплетенных между собой черных матовых звеньев. На пиджаке сверкала брошка.

– А что такой Вечный, как ты, делает во втором округе?

Пальцы Аарона замерли.

– Как я?

Он склонил голову набок. Вере захотелось провалиться сквозь землю. Признаться в том, что она судила по одежде, как те гвардейцы, не хотелось.

– Такой красивый? – предположил он.

Вера вытаращила глаза.

– Я... Я... – начала было она, но слова не шли с языка.

– Не волнуйся, я прекрасно понимаю, о чем ты, – сказал он, усмехнувшись, и добавил: – Да и красивым меня вряд ли можно назвать.

С этим Вера могла бы поспорить, но промолчала. Отвешивать комплименты чьей-то внешности она не привыкла.

– Я помогаю людям, – сказал он. Голос его звучал совершенно спокойно. Это не казалось хвастовством.

Вера нахмурилась. Может, он один из тех Вечных, которые занимаются благотворительностью в зоне?

Машина затормозила. Вера повернулась к окну. Невероятно, но факт – за тонированным стеклом она увидела ПЭЦ. Солнце скрылось за соседними высотками. В комнатах горел свет. Как незаметно пролетело время! Сейчас нужно попрощаться и выйти на улицу, но, обхватив дверную ручку, Вера замерла, ища повод задержаться.

– Мне понравилось тебя спасать, – сказал Аарон.

– М-м-м... – только и сумела выдать из себя Вера.

Их взгляды встретились. Его невероятно зеленые глаза стали печальными. Или ей только показалось?

– Если соберешься в следующий раз прыгать под машину, маякни мне. Я подгадаю момент.

– Обычно я делаю это по вторникам и пятницам. Тебе удобно в эти дни?

– Ради тебя я возьму выходной.

В носу защипало. Да что это с ней такое? Почему она не может просто взять и выйти из машины? Почему несет эту чепуху? Она наконец дернула за ручку и открыла дверь.

– Подожди, – сказал Аарон, и Вера с радостью обернулась к нему. – Сохрани мой номер. Вдруг тебе что-то понадобится. Пластырь, например...

– У меня сломался коммуникатор, но спасибо тебе. Спасибо за все, – сказала Вера и, сцепив зубы, чтобы не застонать от боли, которая пронзила руку и бедро, выбралась на тротуар.

Она прижала папку к груди и захлопнула дверь. Самый искренний и обнадеживающий разговор в жизни у нее состоялся с Вечным, которого она встретила три часа назад и больше никогда не увидит.

Машина рванула с места. Вера задрожала. С каждой секундой ей становилось все хуже. Пальцы онемели, то и дело норовя выронить проклятую папку. Превозмогая себя, Вера добрела до ПЭЦ. После шума в зоне пустынная улица казалась благословением. Тишина и порядок успокаивали расшатавшиеся нервы. Перед высокими дверьми Вера замерла на несколько мгновений. Успела ли она до начала комендантского часа? Заговорившись с Аароном, она забыла уточнить время. Закусив нижнюю губу, чтобы та не дрожала, Вера слегка нагнулась и посмотрела в круглый выпуклый значок на поверхности двери. Он сосканировал ее радужку и одобрителем шелкнул. Вера распрямилась. Дверь отъехала в сторону.

Успела!

Вместе с толикой облегчения, что не придется спать на улице, Вера ужаснулась. Если малыш увидит ее в таком виде, им еще год будут сниться кошмары, но и сначала идти в свою комнату, а потом к Кире, она не сможет. У нее попросту не хватит на это сил. Еле волоча ноги, Вера добрела до детского отделения. Кира не спала, а протокол казался копией предыдущего дня. Без Веры Кира отказывалась есть и спать. Но одно положительное отличие все-таки существовало. На столике рядом с кроватью кто-то предусмотрительно оставил бутылочку с готовой молочной смесью. Брать Киру на руки было сущей мукой: левая рука пылала, а вес малышки будто превышал тонну. Вера закусилась нижнюю губу, чтобы не застонать от боли. Закрыв глаза, она считала долгие минуты, надеясь не упасть в обморок. Когда бутылочка опустела, Вера положила Киру обратно в кровать.

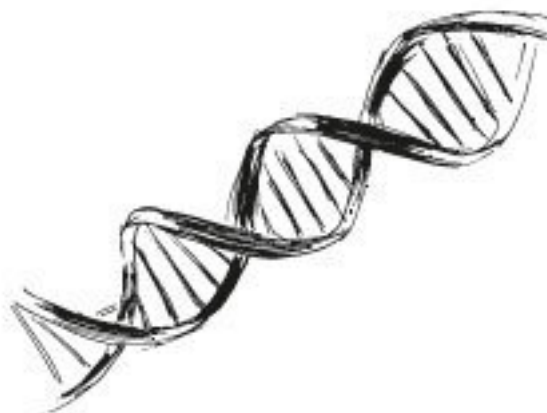
– Сегодня тебе придется спать без меня, – прошептала она, склонившись над малышкой. Глазки-пуговицы устало закрылись.

Вера распрямилась, подобрала папку со стола и на лифте, который казался ей слишком медленным, поднялась на свой этаж, дошла до Таниной комнаты, но не смогла заставить себя постучать в дверь. Она хотела узнать, успели ли девочки восстановить утерянную часть стихотворений, однако голова разболелась так сильно, будто кто-то надел на нее ведро и использовал вместо колокола. Звенело в ушах, мысли путались. От такой помощницы, если помощь еще была нужна, никакого толка. Рассудив, что и ей, и Тане гораздо больше поможет здоровый сон, она пошла в свою комнату. Опустив папку на стол, Вера подумала, что Сати могла бы оставить ей записку, когда она не вернулась к ужину. Даже если коммуникатор сломался, у Сати было достаточно бумаги... Проглотив обиду и запретив себе думать о причинах такого равнодушия, Вера решила, что с Сати разберется завтра. На сегодня с нее достаточно.

Она осторожно разделась и размотала повязку. На бедре красовался гигантский синяк, а подмышка покрылась мерзкой черной коркой. Принимать душ Вера побоялась, поэтому обтерлась влажным полотенцем. Представив, как будет выглядеть шрам, Вера содрогнулась и как можно скорее натянула ночнушку. Корка болезненно захрустела.

Уже засыпая, Вера вдруг поняла, что за все три часа, проведенные в машине Аарона, она почему-то ни слова не сказала про Макса.

Глава 4

Голову мотало из стороны в сторону. Кто-то тряс ее за плечи.

– Вера, да проснись ты, в конце-то концов! – шептал чей-то рассерженный и в то же время испуганный голос.

Вера с трудом приоткрыла глаза. За окном серело раннее утро, но на потолке ее комнаты горели белые лампочки. Она уснула, забыв выключить свет? Вера приложила ладонь козырьком ко лбу и посмотрела в бледное лицо Макса. Он склонился над ней, сидя на краю кровати.

– Что ты делаешь в моей комнате? – спросила Вера. Язык еле слушался.

– Во сколько ты вчера вернулась? – спросил он вместо ответа. – Я не мог учиться. И почему ты не отвечала на звонки?

Вера осторожно приподнялась на локтях. Голова страшно кружилась.

– Коммуникатор разбился.

– Как?

– Случайно.

– Как? – с нажимом повторил Макс.

Перед глазами заплясали черные точки. Вера на секунду зажмурилась, собираясь с мыслями.

– Я ждал в столовой, а тебя все не было и не было. Поднялся посмотреть, в чем дело. Ты правда в порядке?

– Могло быть и лучше, – отшутилась она.

Аккуратно села на кровати. Взявшись за край одеяла, она хотела откинуть его, но остановилась. Во сне ее ночнушка сбилась и собралась вокруг талии, а значит, Макс увидит не только огромный синяк на бедре, но и ее нижнее белье. Смутившись, она попросила:

– Подожди меня за дверью. Я быстро.

Макс прищурился, но после непродолжительной паузы все-таки кивнул.

– Возьму тебе завтрак, чтобы ты успела перекусить до экзамена.

Экзамен! Она совсем про него забыла! Хорошо, что Макс пришел и разбудил ее.

– Спасибо. – Она порывисто пожала ему руку. – Но мне нужно увидеть Таню и Иду. Я с ними вчера так и не встретилась. А потом заскочить к Кире.

– Ты должна поесть. На тебе лица нет.

– Макс...

– Я жду тебя в столовой.

– Но...

Макс поднялся и без дальнейших обсуждений направился к двери. Конечно, он прав, экзамен продлится шесть часов, а она ничего не ела и не пила со вчерашнего утра. Ей стоило позавтракать, но то, как он принял решение за нее, вызвало внутренний протест, который она так и не успела облечь в слова: Макс уже покинул комнату. Решив, что захватит пару тюбиков в столовой и съест на ходу, Вера аккуратно откинула одеяло в сторону и поразилась тому, что при этом движении ее тело не скрутило от боли. Она посмотрела вниз, страшась вида своего ушиба.

Ничего!

Вера дотронулась до бедра, на котором, против ее ожиданий, не было синяка, и надавила на нежную кожу. Сначала осторожно, потом сильнее, ожидая тупой боли, но ничего не почувствовала. Абсолютно ничего. Нахмурившись, она поднялась с кровати и сделала два шага. Вчера Аарон буквально донес ее на руках до машины, а сегодня она спокойно передвигается по комнате.

Вера подошла к зеркалу на дверце шкафа и начала правой рукой стягивать ночнушку, стараясь двигаться как можно осторожнее, но вдруг заметила, что и тут не испытывает никакого дискомфорта. Резко дернув за ткань, Вера обомлела, рассматривая свое обнаженное отражение в зеркале.

И от луча бластера на ее теле не осталось и следа.

Ничего.

В смысле совершенно *ничего*!

На том месте, где вчера хрустела мерзкая корка от ожога, сегодня была розовая гладкая кожа. Вера дрожащими пальцами дотронулась до подмышки и почувствовала щекотку – кожа была невероятно чувствительной, но целой и невредимой.

Как такое возможно? Она бредит. Наверное, она все еще спит и ей это снится.

Потерев глаза и покрутившись перед зеркалом, Вера посмотрела на себя, на свое отражение и отшатнулась.

Нет, она не спит.

Неужели ей привиделся вчерашний день? Нет, как такому привидеться?! Боль, которую она испытывала часами, до сих пор отзывалась в костях. Испуганный голос Радия звенел в ушах. Томный запах Аарона еще чувствовался в ее легких. На подкашивающихся ногах Вера дошла до ванной комнаты и заглянула в корзину с грязным бельем. Если она ничего не обнаружит на юбке, то... Но следы крови были на месте. Сердце бешено заколотилось.

Святая Вечность, что происходит?

Чтобы унять подступившую панику, она начала расчесывать дрожащими руками волосы. Обычно мягкие и прямые, они сбились в колтун. На затылке, которым она вчера сильно ударилась о металлическую дверь, не было шишки. Из горла вырвался истеричный смешок. Она сошла с ума. Иного объяснения нет. Взгляд упал на заляпанную кровью юбку. Ее кровью! А на самой Вере не осталось и следа.

Она стянула высокий хвост и, склонившись, осмотрела свою левую подмышку. Кожа была такой нежной, чистой.

Новой.

Но не могла же она вырасти за ночь? Вера же была совершенно обычным человеком! Она росла, менялась и болела.

И все-таки на ней не осталось ни царапины. В кончиках пальцев щипало, словно по ним прошел электрический заряд. Чувствуя, что сейчас либо грохнется в обморок, либо закричит, Вера сжала кулаки и почувствовала, как ногти впились в ладони. Вспышка боли остановила карусель мыслей. Сначала нужно сдать этот чертов экзамен, а потом впасть в истерику. Она

быстро оделась в новые блузку и юбку и выскочила из комнаты, захватив с собой заляпанную кровью папку для Сати.

Макс ждал ее за столиком на третьем уровне. На фоне белой рубашки его волосы, расчесанные на прямой пробор, волосок к волоску, казались иссиня-черными. В руках он что-то крутил и внимательно разглядывал, слегка наклонив голову вперед. Тани с Идой в столовой Вера не увидела.

Перед Максом стояли два подноса – один его, другой Верин. Для нее он предупредительно захватил вместо двух тубиков четыре и пять батончиков. Насколько же плохо она, с его точки зрения, выглядела, если для ее оживления требовалось столько еды? Вера опустила папку на стол и села напротив Макса. Тот ойкнул от неожиданности и поднял на нее взгляд. Только оказавшись рядом, она поняла, что в руках он держит новенький коммуникатор.

– Я сбегал к технику. Он сначала ворчал, что замена тебе не положена, но я пообещал вместо него обновить системные приложения на всех компьютерах. Так что вот, держи.

Макс закрепил на Верином запястье коммуникатор.

– Спасибо, что подумал обо мне, – с нежностью проговорила она.

– Он уже настроен, – добавил Макс.

Ткнув в экран, она отыскала чат с Таней и Идой. Помимо вчерашних сообщений с просьбой вернуться целой и невредимой, сегодня утром они оставили еще одно послание: «Сати недоступна. Ты тоже. Мы сходим с ума от волнения. Где тебя носит?». Вера напрасно заставила их волноваться. Похоже, стоило разбудить их вчера ночью и все рассказать.

Но почему недоступна Сати? Вера прокрутила все непрочитанные сообщения: от Сати ничего. Неужели ей наплевать, что приключилось с ее подопечной? Сердце кольнуло.

– Ты видел сегодня Сати? – спросила она. – Мне нужно передать ей документы.

– Нет... – Макс на секунду задумался, глядя на папку, а потом более уверенно добавил: – Нет, точно нет.

Он окинул Веру оценивающим взглядом.

– Ты выглядишь значительно лучше, чем десять минут назад. Даже откуда-то румянец взялся. Ты так и не рассказала, что вчера произошло.

Вера закусила губу, не зная, что ответить. Макс любил факты, доказательства и причинно-следственные связи, а особенно такие, которые можно построить с помощью математических моделей. Чудесным образом зажившие раны явно в его картину мира не впишутся. И хотя он мог помочь Вере во всем разобраться, она не будет забивать ему голову перед экзаменом.

– Да ничего такого. Потом обсудим, – наконец ответила она.

Макс нерешительно кивнул.

– Так как ты умудрилась разбить коммуникатор?

– В роддоме случилась неприятность с одной, – горло сжалось, когда перед глазами возник образ лежащей на полу женщины, и Вера с трудом сглотнула, – роженицей. Я пыталась помочь.

Вера не знала, что именно представил себе Макс, но, услышав ее объяснение, от других вопросов он воздержался. После небольшой паузы он прошептал:

– Хорошо, что мы больше никогда туда не вернемся. Окажись я в зоне, не протянул бы и месяца. – Он привычным движением дотронулся рукой до датчика за ухом. – Но мы тут, в целости и сохранности. И очень скоро будем жить вечно. Ты и я. Навсегда. – Макс поднял на нее глаза.

– Навсегда. – Улыбка появилась на Вериных губах, но тут же пропала. Вместо того чтобы сидеть в столовой, ей нужно найти Таню и Иду. – Ты девочек моих не видел?

– Они уже пошли в кабинет, – отозвался Макс и хмыкнул. – Иногда мне кажется, что ты их любишь больше, чем меня.

– Не говори глупостей. Вы дороги мне в равной степени, – отмахнулась Вера.

– В равной? – переспросил он. Выражение его лица стало мрачным. Он отстранился. – Не такого ответа я ожидал.

– А какого? – с недоумением спросила Вера.

Ее желудок требовательно заурчал.

– Ешь и пойдем, – приказал Макс. Глубоко посаженные карие глаза потемнели.

Вера нахмурилась. Он что, к девочкам ее приревновал? Наверное, он просто взвинчен: впереди ждал важнейший в жизни экзамен, а он не мог готовиться, волнуясь за нее. Лучше сейчас с ним не спорить. Вера без аппетита проглотила содержимое тубиков и посмотрела на коммуникатор. Без пяти восемь, а значит, времени у нее совсем не осталось. Надеюсь, что Кира все-таки даст себя кому-то другому покормить, она отправила Сати сообщение:

ВЕРА: «Зайду после экзамена».

Макс тем временем убрал со стола и дожидался ее в конце галереи у лифта, идущего вниз. Весь путь до лаборатории он молчал, читая научную статью про миорелаксанты на своем коммуникаторе, а Вера, обнимая обеими руками папку, гадала, почему Сати молчит.

Залитая ярким холодным светом лаборатория занимала минус восьмой этаж, но лифт не пронзал ее насквозь, а соединялся с ней длинным узким коридором. Вероятно, помещение находилось где-то под многоуровневой теплицей сбоку от ПЭЦ. Здесь отдельные комнаты соединялись хитроумной системой туннелей и по сравнению с другими подземными этажами особенно остро чувствовалось, будто находишься в норе крота.

Большинство столов было занято – свободными оставались лишь первый и последний ряды. Столешницы представляли собой интерактивные плазменные панели, заменявшие компьютер. На каждом столе стояли электронные микроскопы, полный набор пробирок, колб и предметных стекол. В ящиках стола хранились все необходимые для опытов инструменты и базовый набор лекарственных препаратов. Вера пошла в противоположном от входа направлении, оставив Макса позади и высматривая подруг.

– Таня! – позвала она, увидев копну каштановых кудряшек в предпоследнем ряду. По левую руку от нее за соседним столом находилась Ида.

– Чего ты кричишь как второсортная? – возмутилась Алиса, когда Вера поравнялась с ней.

Алиса стояла по центру четвертого ряда. Вера ее терпеть не могла. Алиса вечно задирала свой курносый нос. А еще у нее были очень крупные зубы, но язык за ними она держать не умела и по любому поводу придиралась к Вере.

– Что это у тебя за папка? – прищурилась Алиса.

Ну вот опять.

– Тебя не касается, – отрезала Вера и поспешила дальше.

Алиса ненавидела Веру за то, что та занимала первое место в рейтинге. Ненавидела больше остальных воспитанников, хотя и им от нее доставалось. Алиса никогда не упускала возможности напасть. Наверняка она чувствовала себя при этом лучше других.

Вера подбежала к предпоследнему ряду. Она заметила и большие от волнения глаза Тани, и недовольно поджатые губы Иды.

– Таня, как ты? – спросила она и обернулась к Иде: – А ты? Девочки, простите меня. Я так перед вами виновата. Обещала помочь и пропала.

Идино лицо вытянулось.

– Мы о тебе целый день волновались, а ты про экзамен? – возмутилась она, прежде чем Таня что-то успела сказать.

– Я... – начала было Вера.

– Ты явно не в себе, если не знаешь, за что стоит просить прощения. – Ида покачала головой.

– Да я же не... – Вера перевела взгляд с Иды на Таню, прося поддержки.

Таня, будто бы прочитав ее мысли, примирительно сказала:

– Ида, не мучай ты ее. Главное, что она вернулась.

Ида насупилась, но после небольшой паузы едва заметно кивнула.

– Ладно. Выносить вердикт без суда и следствия нельзя. Сначала ты нам все расскажешь.

– Договорились, – с облегчением выдохнула Вера.

По лаборатории разнесся звонок, и двери подсобного помещения напротив входа в лабораторию распахнулись. Макс выбрал место слева от Тани, Вера поспешила занять стол позади нее, посередине последнего ряда. Папку она положила во второй сверху выдвижной ящик стола. Двадцать выпускников как по команде подняли головы и уставились на преподавателя микробиологии Дальтона. Он вкатил в лабораторию огромных размеров стол с многочисленными пластмассовыми контейнерами. Из-за серых глаз навывкате и невероятно длинных и тощих конечностей он всегда напоминал Вере саранчу. При ходьбе руки болтались плетью, а ноги норовили вывернуться в коленях в обратную сторону.

– Мы что, на животных экзамен сдавать будем? – пропищала одноклассница Яна, девчонка с рыжими, похожими на проволоку волосами. Она стояла через два ряда от Веры.

– Только не это, – отозвалась Таня, передергивая плечами. – Только не крысы.

Вера сглотнула. Во рту появился привкус желчи. Проводить опыты на животных – это последнее, о чем она могла думать.

– Вряд ли. Этот метод для рутинной диагностики устарел, разве что для отработки навыков, и то... – вполголоса рассуждала Ида. – Но для чашек с биоматериалом слишком уж большие контейнеры.

Таня беспомощно всхлипнула. Этот звук заставил Веру похолодеть. Сможет ли подруга преодолеть отвращение и сдать экзамен, не показав всему классу содержимое желудка?

– Танюш, – шепотом позвала Вера, – ты справишься! Главное, дыши ровно!

Как легко бросаться подобными словами. Сама Вера никакой уверенности в успешном исходе экзамена больше не испытывала. На животных они тренировались редко, потому что живой биоматериал – дорогостоящий продукт. То, как подопытные пищали перед смертью, заставляло ее содрогаться до сих пор. Словно электрический разряд, сознание прошило воспоминание об убитой в роддоме женщине. Привкус желчи во рту усилился.

Дальтон распрямился и окинул всех требовательным взглядом, призывая к тишине. Экзамен начался.

– Каждый из вас получит по одному подопытному экземпляру. Каждый экземпляр уже заражен какой-то инфекцией. Вам нужно понять какой, – раздался бесстрастный голос Дальтона. – От вас потребуется: провести микробиологическую диагностику, подобрать лечение и подготовить полный отчет по категориям: таксономия, резистентность, патогенез и дальше по списку. Его вы найдете на электронном рабочем столе. Заполнять там же. Вы можете пользоваться только внутренней базой данных. Я ожидаю от вас предельной точности и осторожности.

Вера на секунду зажмурилась и помассировала точку между бровями. Таня была права, им придется проводить исследования на животных. Справятся ли подруги и Макс? А она сама? Вера пыталась абстрагироваться, но получалось не очень. У нее всегда тряслись руки, когда нужно было ввести смертельную дозу препарата, останавливающего сердечную деятельность. Вера перевела взгляд на спину Макса: плечи были напряжены, кулаки – сжаты. Он тоже волновался.

Взять четыре комплекта защитного снаряжения Вере удалось первой – стенные шкафы располагались прямо за ее столом. Макс отблагодарил ее кивком, девочки – улыбками.

Вера вернулась на свое место, надела перчатки, шапочку, маску и защитные очки. Больше всего в работе микробиолога ее раздражала как раз эта необходимость рядиться в специальное обмундирование и потом потеть в нем. Хотя нет, кого она обманывает? Самое ужасное – это необходимость становиться живодером, и плевать, что на благо науки. А вот Макса это не волновало. Он мечтал посвятить всю свою жизнь искоренению болезни, которая сделала его зависимым от врачей.

– Квик, – донеслось из контейнера, который Дальтон, проходя мимо, поставил перед Верой.

– Разве крысы так пищат? – удивилась она.

– Какие-то претензии, Вера? – тут же спросил Дальтон.

– Нет, извините, – поспешила она ответить, ругая себя, что не удержала язык за зубами. – Просто мы тренировались на крысах и мышах.

– На то это и выпускной экзамен, а не чаепитие с друзьями, – заявил Дальтон.

Вера переступила с ноги на ногу, не решаясь открыть контейнер и увидеть его содержимое. Сосчитав про себя до трех, она повернула задвижку и обнаружила внутри пушистую морскую свинку. Белая шерстка лоснилась, на носике виднелось рыжее пятнышко в форме звездочки, черные глаза смотрели на Веру не мигая. Протянув руку, она погладила свинку по лбу. Шерсть была приятной на ощупь, а ушки – тонкими, они буквально просвечивали. Она казалась ужасно милой... Вера взяла свинку и, к своему удивлению, обнаружила, что та совершенно не сопротивляется. Очевидно, из-за инфекции началась общая интоксикация организма, тормозящая мышечную деятельность. Еще отчетливее Вера ощутила неприязнь к микробиологии. С разных сторон доносилось жалобное повизгивание, которое никак не хотело заканчиваться. Ее начало подташнивать. Сколько бессмысленной боли ради какого-то идиотского экзамена, который можно было бы сдать и без проведения опытов.

Вера начала осматривать морскую свинку, стараясь обращаться с ней как можно аккуратнее. На брюшке, вокруг разреза, явно сделанного, чтобы заразить животное и подготовить к экзамену, она заметила некротические ткани. Вера осторожно опустила морскую свинку в контейнер, взяла из первого ящика шприц, из второго ампулу с обезболивающим, набрала два кубика и отложила в сторону. Ей следовало набрать сразу три, следовало усыпить свинку, но она не смогла. Пальцы одеревенели. Вера достала скальпель и сорвала с него упаковку. За рутинной работой ей удалось немного успокоиться.

Вера положила морскую свинку на стол и, придерживая ее на всякий случай одной рукой, ввела в холку обезболивающее. Досчитала до тридцати. «Ей не будет больно», – напомнила себе Вера и одним махом отрезала скальпелем крохотный кусочек пораженной ткани. Свинка никак не отреагировала. Вера положила ее обратно в пластмассовый контейнер, погладила по спинке и занялась изучением взятой пробы. Материал для исследований она распределила тонким слоем по поверхности предметного стекла, высушила и зафиксировала, используя спирт. Потом окрасила мазок методом Грама. Он хоть и был древним, но до сих пор оставался самым эффективным. Дальтон учил их разбираться в основах. «С хорошей техникой ученым может стать любая обезьяна, но вы же лучше обезьян?» – любил он повторять, когда кто-то из класса противился его инструкциям.

Через микроскоп на предметном стекле отчетливо просматривались фиолетовые палочковидные грамположительные бактерии *Clostridium perfringens*. Вера должна была помнить, при какой инфекции они появлялись... В конспектах стояло... Там стояло... Что... Волоски на руках поднялись.

Вера забыла.

В ушах зашумела кровь. Вера надавила основаниями ладоней на виски и приказала себе дышать. Но при первом же глубоком вдохе ко рту приклеилась медицинская маска. Проклятье! Вере потребовалась вся сила воли, чтобы не содрать ее с лица.

Вера закрыла глаза и попыталась вспомнить, как выглядела нужная страница конспекта. Почему ей не досталась фотографическая память, как у Иды? Она бросила взгляд на подругу. Та уверенно орудовала скальпелем. На резиновой перчатке виднелись следы крови. В животе замутило. События вчерашнего дня вновь промелькнули перед глазами.

«Зона!» – осенило ее. Чаще всего в зоне встречалась анаэробная инфекция. В первом округе ее давно не наблюдалось, зато в антисанитарии зоны она была большой проблемой. Морскую свинку заразили анаэробной инфекцией! Вера чуть не расплакалась. Для лечения необходимо убрать некротические ткани и применить антибактериальную терапию.

Вот только спасение морской свинки целью экзамена не было. Чтобы провести полный цикл исследований и ответить на все вопросы, животное следовало усыпить и вскрыть. «Все ради науки!» – вспомнила Вера девиз ПЭЦ. Конечно, легко прокламировать такое, когда на кону стоит не твоя собственная жизнь, а жизнь маленького беспомощного существа. Страшно представить, сколько таких уже погибло в лабораториях по вине людей. Вера не собиралась убивать еще больше. Ей претила бессмысленность, а милая морская свинка лишь усугубила чувство вины.

В памяти всплыло другое земноводное, о котором она узнала полгода назад на уроке генетики. Маленький аксолотль с забавными розовыми рожками и тремя парами наружных жабр. Изначально он обитал в пресноводных озерах Североамериканского континента, в той его части, где два века назад находилась страна Мексика. Еще до создания сыворотки бессмертия в 2071 году аксолотль представлял для генетиков огромный интерес. В ходе исследований ученые выяснили, что он обладает одной удивительной особенностью: вместо гена Рах3 в его ДНК содержится ген Рах7, благодаря чему животное могло восстанавливаться после серьезных повреждений даже спинного мозга. Это навело ученых на идею разработки медикаментозной терапии, возвращающей парализованным людям возможность двигаться, но лекарство так и не нашли, зато уничтожили всю популяцию аксолотлей. Если одиночные экземпляры и сохранились, то известно об этом не было.

Звон разбитого стекла привлек внимание Веры, и она мгновенно вскинула голову. Со стола Макса свалилась колба, и на пол выплеснулась густая оранжевая жидкость – будущая питательная среда, по которой он мог изучить метаболизм бактерий. Чтобы все сделать сначала, потребуется еще один час!

Дальтон, прохаживавшийся между рядами, вскинул голову и гаркнул:

– Минус один балл к итоговой оценке за небрежность!

Макс вжал голову в плечи и, сгорбившись, взял новую колбу с подставки. Потеря балла могла привести к катастрофическим последствиям. Макс мог не попасть в Геном! Адреналин заставил Верино сердце взволнованно забиться. Макс обернулся и посмотрел на нее расширившимися от ужаса глазами.

И помочь невозможно, Дальтон сразу заметит. Проклятие!

Робот-уборщик – черный куб на колесиках размером с урну – зажужжал. Он выкатился со своего места в конце лаборатории за Вериной спиной и принялся собирать осколки и оранжевую субстанцию рядом со столом Макса. Вера перевела взгляд на Таню и Иду. Они работали спокойно, движения выглядели уверенно. Кажется, зря она за них волновалась.

– До сдачи работ остается чуть больше часа, – напомнил преподаватель, останавливаясь рядом с ее столом.

– Квик, – подала неожиданно голос морская свинка.

Брови Дальтона взлетели на лоб.

– Почему она еще жива? – возмутился он. Тон его голоса заставил всех присутствующих разом обернуться.

Вера съежилась под их пристальными взглядами.

– Мне не потребовалось ее усыплять, чтобы найти причину болезни, – ответила она.

Кто-то слева уважительно присвистнул.

– Нечем тут восхищаться! – гаркнул Дальтон. – Это наплевательское отношение к поставленным задачам!

Вера открыла рот, чтобы возразить, но, увидев разгневанное выражение лица Дальтона, опустила глаза в пол.

– Извините, – только и смогла выговорить Вера, подавляя внутреннее сопротивление.

– Невероятная беспечность, – сказал Дальтон и, уже отворачиваясь, добавил: – Немедленно доведи дело до конца, если не хочешь, чтобы я доложил директору о твоей непригодности. Ему ничего не стоит отправить тебя обратно в зону, если тебе так нейдет.

Вера вздрогнула и кивнула. Все снова отвернувшись к своим столам, только Макс задержал на Вере недоуменный взгляд чуточку дольше и покачал головой.

За последние пару часов морская свинка заметно ослабла.

– Прости меня, – пробормотала Вера, сглатывая ком в горле.

Она взяла новый шприц и вторую ампулу с обезболивающим, набрала три кубика и ввела иголку в холку. Морская свинка даже не открыла глаза. Тогда Вера наполнила еще один шприц препаратом, останавливающим сердечную деятельность. Она положила руку на теплое тельце и, почувствовав последний удар сердца, с трудом сдержала слезы.

Во время вскрытия она старалась не смотреть на мордочку морской свинки. Брызнувшую из разреза на животе кровь тут же стерла дезинфицирующей салфеткой. Документируя ответы на вопросы в списке, специально использовала словосочетание «*подопытный экземпляр*», а не «животное». Закончив и быстро убрав тельце в контейнер, Вера сорвала перчатки. Она никогда не привыкнет к этому.

Вид крови напомнил ей ее собственные раны и тот невероятный факт, что за ночь у нее выросла новая кожа.

Вера принялась перебирать в памяти, как часто она болела за всю жизнь. Воспаление легких, перелом ноги, множество простуд, разбитые коленки на уроках физкультуры. И лечилась, как все, днями, а то и неделями. Чем-чем, а крепким здоровьем она никогда не отличалась. А теперь у нее ожог заживает за несколько часов. Что-то здесь не так.

– У вас осталось пятнадцать минут, – объявил Дальтон.

Вера пробежалась по списку вопросов. Она ответила на все. Бросив на Макса взгляд, она поняла, что уверенность вернулась к нему – он, похоже, уже закончил. Плазменная панель его стола потухла. Ида сняла перчатки и разминала руками плечи. Она явно отправила свой отчет Дальтону. Таня стирала кровавые пятна со стола.

«Ты в лаборатории», – напомнил Вере внутренний голос. Оглянувшись по сторонам и напустив на лицо сосредоточенное выражение – хотя под маской и защитными очками мало что можно было разглядеть, – она достала из третьего ящика пластмассовую флешку для дешифровки ДНК, а из первого – стерильный скальпель. Холодный металл скользнул по указательному пальцу левой руки. Крупная капля упала в емкость флешки.

Палец защипало. Вера всем сердцем надеялась, что кровь продолжит сочиться. Она зажмурилась, досчитала до пяти, а потом снова открыла глаза. На кончике пальца осталась лишь тонкая розовая полоска.

– Этого просто не может быть, – прошептала Вера, не в силах поверить своим глазам, и тут же спрятала руки под столешницей.

Она повторно продезинфицировала стол, нажала на кнопку «сдать экзаменационную работу» и спрятала флешку со своей кровью в папку с документами. Выпускники один за другим стали снимать защитное обмундирование. Вера сорвала свое и затолкала в урну. Осторожно прижав к груди папку, чтобы не выронить флешку, она дождалась звонка, оповещающего об окончании экзамена, и встала между Таниным и Идиным столами. Таня вытерла ладонью выступившие над верхней губой капельки пота.

– Все получилось? – спросила ее Вера.

– Вроде да, – ответила Таня, – но я искренне надеюсь, что меня ни при каких обстоятельствах не распределят в какую-нибудь лабораторию. Вечность заниматься микробиологией или генетикой – настоящее извращение.

Ида кивнула в знак согласия.

– Директор не слепой. Всем ясно, что тебе в лаборатории делать нечего, – сказала она и, заметив папку в Вериных руках, спросила: – Что это у тебя?

– Это для Сати. Я за этими бумагами ездила в зону.

– Ты до сих пор ей не отдала? – удивилась Таня.

– Не успела, – призналась Вера. – Вчера сил не было, сегодня проспала.

– Ты? Проспала? – Ида уставилась на Веру.

– Да...

– Так, сходи к Сати и приходи в столовую. У меня живот от голода сводит. Я на нервах не смогла позавтракать. Там все расскажешь, – сказала Ида и махнула рукой в сторону дверей.

– Хорошо, – улыбнулась Вера. Похоже, девочки обиду на нее не затаили.

По пути к выходу она высматривала среди воспитанников Макса. Она и не заметила, как он куда-то делся из поля зрения. Оказавшись в коридоре, она столкнулась с ним нос к носу.

– Вера, что это было? Почему затянула со вскрытием? – налетел он на нее.

Вера сделала шаг назад.

– Мне было жаль морскую свинку.

– В смысле? – Макс нахмурился. На лице отразилось недоумение. Он сделал шаг к Вере и поймал ее взгляд. – Хорошо, я понимаю. Морские свинки милые и пушистые. Но у нас же был план, Вера. Ты и я. Вечность. До твоей выходки мы находились на первых местах в рейтинге! Мы могли попасть в Геном вместе! А теперь что? Вдруг один балл станет решающим? Ты об этом подумала?

Вера вздрогнула.

– Я бы не стала называть нежелание резать невинное животное выходкой. – Она специально сделала ударение на последнем слове.

Макс пренебрежительно цокнул языком.

– Нужно идти на жертвы ради науки. Я думал, что ты это понимаешь. В первый раз, что ли?

– Знаю. Ты прав. Я должна была привыкнуть, но, оказывается, не привыкла.

Макс прищурился.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не знаю! – выпалила Вера. Она и сама не понимала, что это значит. – Может быть, я не создана для Генома. Или Геном для меня.

– Глупости! – возмутился Макс. – Ты просто перенервничала. Не надо было тебе вчера никуда ездить. Я ведь предупреждал. – Он нервно провел рукой по волосам, растрепал их и снова уложил на прямой пробор. – Ты на все вопросы правильно ответила?

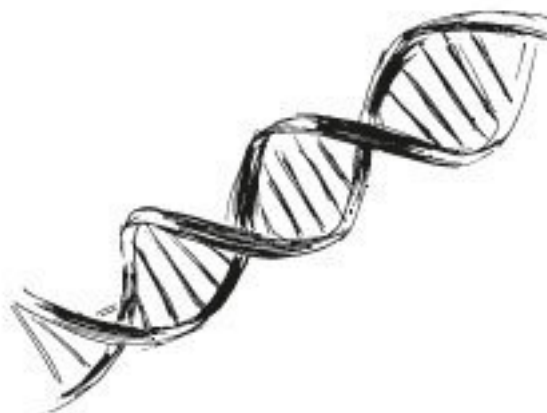
– Кажется, да.

– Хорошо, что завтра узнаем результаты, – выдохнул он. – Когда попадем в Геном, а мы должны туда попасть, все наладится. Я уверен. А если ты не захочешь резать свинок, возьму проведение аутопсии на себя. Договорились?

Макс пожал ее руку. Всем своим видом он давал понять: вместе они смогут сделать ее счастливой. Вера улыбнулась и кивнула. На душе потеплело. Если они оба правильно ответили на все экзаменационные вопросы, то впереди их ждет прекрасное будущее. Но другая мысль ворвалась в ее сознание, пронзив ледяной стрелой сердце.

Это не то будущее, о котором она на самом деле мечтала.

Глава 5

– Макс, мне нужно к Сати, – пробормотала Вера, отступая от него на пару шагов. Сердце будто бы покрылось инеем и потрескалось. Пораженная неожиданным открытием, спорить и отстаивать свою точку зрения – да и в чем она, собственно, заключалась? – Вера пока не могла.

– Как скажешь, – ответил Макс.

Она добежала до лифтов и зашла в левый, чтобы нырнуть еще глубже под землю. Остальные воспитанники, в том числе и Макс, заходили в другой, который шел наверх.

Колени предательски задрожали, и Вера прислонилась спиной к холодной стеклянной стенке лифта. Этот разговор с Максом совершенно неожиданным образом задел сразу две жизненно важные темы. С одной стороны – Верино будущее. Когда Сати разрушила ее надежды на работу в детском отделении, ей ничего не оставалось, кроме как мечтать о независимости, престижной карьере и высоком доходе, который позволил бы ей и апартаменты выше облаков, и личный винтокрыл. Это все и даже больше станет возможным, если ее распределят в Геном после выпускного. Но были ли это ее мечты? Скорее они выглядели мечтами идеального воспитанника, каким его рисовал ПЭЦ в своих лозунгах. Вера похолодела. Сейчас она впервые – да, впервые, пусть запоздало – осознала, что в Геноме она будет не на своем месте.

С другой – ей стало больно, ведь человек, с которым она собиралась провести бок о бок целую Вечность, не увидел ее сомнения. Конечно, они шли вразрез со всеми их планами, но Вере хотелось, чтобы Макс не переубеждал ее и не отрицал ее чувства.

Разве не на понимании и принятии друг друга должны строиться отношения?

В памяти всплыл вопрос, который, на первый взгляд, не имел к распределению после ПЭЦ никакого отношения. «Когда Макс тебя наконец по-настоящему поцелует?» – спрашивали Таня с Идой. И сколько раз Вера отмахивалась от них, не испытывая ни малейшего интереса найти ответ? Почему она сама не мечтала о следующем шаге, о котором грезил все влюбленные парочки?

Ответ был близко, но Вера не пожелала его видеть. На минус девятом этаже она выскочила из лифта, будто бы это могло отдалить ее от ответа, который теперь буквально преследовал ее по пятам. Впервые, спустившись не с поверхности, а с одного подземного этажа на другой, Вера заметила, что сыростью пахнет только там, где располагаются личные комнаты воспитателей и учителей. Просушить помещения не составляло труда, но этого почему-то не делали. Значит, им правда нравилось жить в таких условиях?

Вера остановилась и стукнула костяшками пальцев по нужной двери. Прежде чем искать Сати по всему ПЭЦ, она надеялась застать ее в комнате, чтобы без лишних свидетелей передать проклятую папку. Вместо «войдите», которое она ожидала услышать, раздалось взволнованное:

– Кто там?

Голос принадлежал не Сати. Дверь отъехала в сторону, и показалась Катрина. Густые, практически сросшиеся брови классной руководительницы удивленно взлетели. Щеки и уши горели. Влажные седые волосы торчали в разные стороны, что было совершенно нетипично для степенной Вечной.

Вера так и замерла с поднятой рукой. Что Катрина здесь делает? Вера вытянула шею, пытаясь заглянуть в комнату, но Катрина выставила вперед объемную грудь, заграждая обзор.

– Что случилось? – нетерпеливо спросила она.

Из комнаты донеслась возня. Мурашки побежали по Вериной спине от необъяснимого предчувствия беды. Ни разу еще она не встречала Катрину в комнате Сати.

– Я к Сати, – ответила Вера.

– Что нужно? Я передам.

– Где она? – прямо спросила Вера.

– Тебя не касается, – отрезала Катрина.

Недоброе предчувствие усилилось, сковав паническим холодом ноги.

– В сторону, – приказал кто-то из-за спины Катрины.

Вера и Катрина посторонились, пропуская мимо Эрга.

С завхозом Вера пересекалась редко, лишь когда переезжала с этажа на этаж в конце каждого учебного года и получала код доступа к новой двери. Бледной тенью Эрг бродил по коридорам ПЭЦ, практически сливаясь с бетонными стенами. Лицо Вечного испещрили глубокие рытвины, а глаза были мутными.

В руках Эрг тащил составленные стопкой пластмассовые прозрачные контейнеры с коричневыми папками. Сообразив, что точно такую же сейчас прижимает к груди, Вера поспешно спрятала руки за спину. Папку она должна отдать Сати, а кроме того, в ней лежит флешка с образцом Вериной крови.

– Что это у тебя там? – нахмурилась Катрина.

Язык одеревенел. Катрина всегда была блюстителем порядка и гораздо охотнее других воспитателей снимала баллы за проступки. Словно тюремный надсмотрщик, она контролировала исполнение всех правил, но позволяли ли эти самые правила Вере ездить в зону за документами для Сати? Почему-то Вера начала сомневаться в этом, особенно в свете приключившихся с ней там бед. Сердце нервно забилося.

– Это конспекты к экзамену, – сказала она первое, что пришло на ум.

– На бумаге? – Катрина недоверчиво приподняла одну бровь. – Кто тебе их распечатал? «Думай, думай, думай!»

Кровь застучала в висках.

– Сати. Я попросила. Это мой секрет, – затараторила Вера. – Я лучше запоминаю информацию, когда она на бумаге, когда я могу что-то подчеркнуть, выделить.

Катрина прищурилась, потом, видимо решив, что нарушением правил в принципе не пахнет, коротко кивнула.

– Сати твои конспекты ни к чему, – заявила она наконец. – А теперь иди и не путайся под ногами.

С этими словами она двинулась вперед и, оттеснив Веру в сторону, вышла в коридор. Прежде чем дверь за спиной Катрины окончательно закрылась, Вера успела заметить, что на смятой постели стеганое одеяло больше не лежит. Как странно...

Вера поплелась к лифту, поднялась в детское отделение и провела Киру. Та сладко спала и, исходя из протокола, даже дала себя покормить. Похоже, Кира начала адаптироваться.

На двадцатом этаже Вера зашла в свою комнату, положила папку на стол и села на кровать. Включила коммуникатор. Последнее сообщение, которое она отправила Сати до экзамена, так и осталось непрочитанным. Вера набрала ее номер, но в ответ раздались лишь длинные гудки. Вера попыталась припомнить детали их последнего разговора. Сати нездоровилось. Могла ли она попасть в больницу? Вечные – *обычно* – не болели, поэтому в первом округе стояла единственная больница, в которой, однако, в первую очередь проводились пластические операции. Можно, конечно, туда позвонить, но вряд ли сотрудники с готовностью расскажут незнакомой девчонке о своих пациентах и раскроют врачебные тайны.

Бросив взгляд на папку, Вера нажала на иконку с именем Сати на коммуникаторе. После небольшой паузы вновь раздались длинные гудки. Один, два, три.

– Возьмите трубку, – взмолилась Вера.

Она закинула ногу на ногу и стала нервно дергать белой балеткой в воздухе.

Звонок оборвался, автоответчик так и не включился.

– Ответьте мне, пожалуйста, – пробормотала Вера, снова нажимая на экран коммуникатора.

Послышались новые гудки, такие же длинные и безнадёжные. Никакого другого способа связаться с Сати у Веры не было. Она даже не знала, есть ли у нее жилье за пределами ПЭЦ, куда она могла бы уехать.

Вдруг гудки прекратились, и через динамики коммуникатора донесся смутно знакомый мужской голос:

– Алло? Вера?

Вера обрадовалась, но чувство это продлилось недолго. Почему по номеру Сати отвечает мужчина?

– Вера? – повторил голос.

Она нахмурилась, пытаясь вспомнить, где слышала его. Низкий, уверенный, нетерпеливый.

– Вера?

– Да? – отозвалась она автоматически. Откуда этот человек знает ее имя? Ах да, у него в руках коммуникатор Сати, имя высветилось.

– Больше не звони сюда.

Связь прервалась, и экран погас.

Вера заморгала. Это не тот ответ, на который она надеялась. И принимать его она не намеревалась. Ей должны объяснить. Она вновь набрала номер. На этот раз вместо гудков роботизированный голос сразу же объявил:

– Абонент временно недоступен.

Что все это значит? Вера вскочила с кровати, метнулась к двери и замерла. Куда она собралась бежать? К Катрине? Та явно ничего ей не расскажет. Пойти к директору и спросить у него? Он же должен знать, куда делась его подчиненная. Нет, Вера покачала головой: директор ее просто не примет. Она не могла вспомнить, чтобы хоть раз поднималась на двадцать первый этаж. До сих пор она считала это большой удачей – к директору вызывали, только чтобы отчитать и пригрозить отчислением. Пару раз эти угрозы становились реальностью. Нет, к нему она не пойдет. Да и как объяснит интерес к Сати? Дело же не только в папке, которую Вера привезла для нее из зоны. Дело в их взаимоотношениях, в том, как Сати называла ее «моя кызым», как они по воскресеньям вместе занимались с детьми. Но какое директору до этого дело?

Однако ей нужно с кем-то обсудить происходящее! К Максиму идти не хотелось. Слишком странно закончился их последний разговор.

«Жду вас в столовке. Срочно!» – бросила Вера сообщение в общий с девочками чат и выскочила из комнаты.

Обед уже начался, и большинство столиков были заняты. Не обнаружив девочек, Вера собрала шесть тюбиков с розовыми наклейками и три батончика с мягкой злаковой массой в охапку и побежала вниз по траволатору на первый этаж. Когда спустя минут десять Ида и Таня наконец показались в кабине правого лифта, Вера не дала им выйти. Вместо этого заскочила к ним и локтем нажала на светящуюся кнопку десятого этажа. Там находилась терраса – единственное безопасное место во всем ПЭЦ, где можно было спокойно поговорить. Под дверью ее комнаты всегда мог стоять кто-то слишком любопытный, а в других помещениях были камеры наблюдения, возможно с микрофонами.

– Вера, ты чего? – опешила Таня.

– Нужно кое-что обсудить, – ответила она, вручая девочкам по два тюбика и батончику.

– Хорошо... – протянула Ида, бросая на Таню взгляд, который красноречивее любых слов говорил: «Вера спятила».

Когда лифт остановился, Вера первой направилась по коридору, из которого вели всего три двери. Слева – в прачечную, справа – в помещение, доступное только воспитателям, кажется, там был их личный лифт, ведь в центральных двух Вера их никогда не видела, а прямо посередине – на террасу. Вера слышала, что Ида с Таней идут следом, поэтому не оборачивалась до тех пор, пока не оказалась под открытым небом. Солнце слепило глаза. Воздух укутал Веру, словно одеяло, удушающее и тяжелое. Полноценно заделать озоновые дыры ученым до сих пор не удалось.

По всему периметру террасы на произвольном расстоянии друг от друга стояли бетонные кубы. Они заменяли скамейки из металла – на солнце он страшно нагревался – или пластика – он мог расплавиться и изменить форму. Воспитанники приходили сюда обычно вечерами, когда солнце скрывалось за складом биоотходов, поэтому сейчас, кроме Веры и ее подруг, на крыше никого не было.

Вера села на бетонный куб у самого края крыши, как можно дальше от двери, ведущей обратно в коридор. Девочки сели на соседний и, прикрыв ладонями, как козырьком, глаза от солнца, уставились на Веру.

– Ну? – Ида подняла одну бровь. – Что случилось?

Весь пыл, который гнал Веру, вдруг угас. С чего начать? Чем закончить? Хотелось выложить все начистоту, но существовала одна тема, которую она боялась поднимать – ее удивительным образом зажившая кожа. Вера не знала, как объяснить произошедшее, и это пугало. Вдруг, вместо любопытства и восторга, девочки испытают отвращение и станут смотреть на нее как на какого-то мерзкого мутанта? Решив, что признается им, когда во всем разберется, Вера принялась пересказывать события вчерашнего дня. На моменте с убийством молодой матери она запнулась – не только чтобы избежать лишних деталей, но и чтобы сдержать подступившие слезы. Глаза заблестели и у Тани.

– Бесчеловечно, – прошептала она и потерла ладонями лицо.

– Этому должно быть логичное объяснение. – Ида замотала головой.

Вера и сама была убеждена в этом, только вот найти это логичное объяснение ей до сих пор не удалось. Рассказывая про гвардейцев, вместо злости Вера вдруг почувствовала прилив теплоты, ведь благодаря их самоуправству она в конечном счете оказалась в машине Аарона. Вера на секунду прикрыла глаза и буквально почувствовала заворачивающий запах мандаринов и миндаля. Как бы она вновь хотела встретить Вечного...

– Вера? – позвала Таня.

Вера встрепенулась и открыла глаза. Таня с недоумением разглядывала ее.

– Ты о чем таком прекрасном замечталась?

Вера почувствовала, как запылали щеки. Про себя она мысленно поправила Таню: «Не о чем-то, а о ком-то прекрасном». С большим трудом она подавила улыбку. Если дать себе волю в подробностях рассказать про Аарона, она, во-первых, нескоро перейдет к важной части разговора – пропаже Сати, а во-вторых, она и сама толком не могла сказать, почему уголки ее губ так и норовят приподняться от одного воспоминания о Вечном с ярко-зелеными глазами.

В итоге она описала своего *спасителя* в самых общих чертах.

– А как его звали-то? – спросила Таня.

– Аарон, – ответила Вера и заметила, что голос ее стал неожиданно робким.

– Один Аарон помогал выводить евреев из египетского рабства, другой – Веру из зоны.

Вот так совпадение, – едко заметила Ида.

– Ой, я придумала! – Таня замахала руками. – Слушайте!

В зону Верочка ходила,
Под колеса угодила.
Аарон Веру отряхнул,
Невредимой в ПЭЦ вернул.
Где бы принца взять и мне
На серебряном коне?

Вера засмеялась, а потом осадилась. Не за этим они тут собрались. Она рассказала про Сати: что ей вчера нездоровилось, и пока Вера была в зоне, за весь день она ни одного сообщения не отправила, а сегодня уже и на Верины сообщения не отвечала. Что в комнате на минус девятом этаже ее не нашла, зато наткнулась там на Катрину, а по телефону вместо Сати ответил какой-то мужчина.

Настроение у всех тут же испортилось.

– Ты говоришь, что она неважно выглядела вчера, – начала Ида. – Может, она у медсестры в кабинете?

– Тогда зачем ее вещи из спальни забирать? – возразила Вера.

– Да и Вечные ведь не болеют... – встряла Таня.

– Твоя правда. – Ида кивнула. – Медсестра здесь для нас.

– Но ей точно нездоровилось, – возразила Вера. – Я не могла это придумать.

Она обняла себя руками. Несмотря на палящее солнце, ей стало зябко.

– Тогда она точно в больнице, – сказала Таня.

– Но почему кто-то сказал, чтобы я ей больше не звонила?

Горло сжалось.

– Может, врач? Не знаю, – пожала плечами Таня. – Но думаю, что она непременно вернется и опровергнет слова Катрины.

Ида взглянула на свои руки. В неуютном молчании они выпили содержимое тюбиков – в этот раз это было что-то совершенно неопределимое на вкус: сладкое с горьким послевкусием.

– Ты прощена, – вдруг сказала Ида.

– Что? – удивилась Вера.

– Мы провели следствие и простили твое вчерашнее молчание.

Вера улыбнулась. Ида не забыла. Хоть в чем-то сохранялось постоянство.

* * *

С Максом Вера так и не встретилась. Она боялась заговаривать про их будущее, поэтому на ужин пришла первой и убежала обратно в свою комнату, навестив по пути Киру, а потом с облегчением прочитала сообщение:

МАКС: «Помогаю технику. Увидимся завтра».

Ночью Вера спала беспокойно, ей снился роддом и палата за металлической дверью, но вместо молодой матери между охранниками билась Сати. Утром Вера обнаружила промокшую от слез подушку. Еще раз безрезультатно набрав номер Сати, она поднялась с кровати, приняла душ, оделась и, достав из папки флешку, вышла из комнаты. Разговор с девочками добавил ей оптимизма, и она надеялась, что Сати все-таки появится на ее выпускном. А пока Вера не могла разгадать тайну ее исчезновения, ей следовало хотя бы попробовать разобраться с другим необъяснимым явлением: зажившими за ночь повреждениями.

После утреннего посещения Киры она направилась в столовую. Кроме нее там сидело с десяток сонных воспитанников. Позавтракав, она поехала на минус восьмой этаж, где располагалась их лаборатория, и, оказавшись перед закрытыми дверьми, сообразила, что на часах семь утра и в это время открывается только библиотека. Поэтому Вера поднялась на минус третий этаж. Ей нужен был компьютер с дешифратором ДНК, и в библиотеке такой стоял – правда, всего один.

Сейчас просторное помещение пустовало. Верины шаги отдавались глухим эхом. Она заняла место за столом с дешифратором ДНК у противоположной от входа стены и запустила программу. Кристаллическая поверхность засветилась приглушенным голубоватым цветом. Вера вставила флешку в разъем в торце столешницы. На дисплее отразилось время обработки данных. Она и сама знала, что ей потребуется четыре часа, но все равно не смогла сдержать разочарованный вздох. Во всем хотелось разобраться до прихода других воспитанников. «А в Геноме есть такие мощные компьютеры, которые определяют последовательности оснований в молекуле ДНК за считанные минуты», – подумала она с толикой зависти, которая быстро угасла. Ради одних только компьютеров мечтать о Геноме было глупо. Наоборот, с каждой минутой, которая отделяла ее от разговора с Максом после экзамена, Вера все больше убеждалась, что, несмотря на карьерные перспективы и финансовую независимость, работать целую Вечность в том месте, где нужно проводить опыты на животных, она на самом деле не хотела.

Время тянулось как жвачка. Вера отвлекала себя чтением научных статей о принципах регенерации. Попался доклад про кольчатых червей, которые из небольшого фрагмента тела могут восстановить целый организм. Вера содрогнулась. Сравнить себя с червяками она не желала, да и у нее *всего лишь* выросла новая кожа – что и с любым бы произошло, просто не так быстро. Поэтому речь идет скорее об ускоренной регенерации, нежели о... О чем? Вера не знала. Она подперла ладонью подбородок и пролиستала еще с десяток статей.

В девять утра посыпались сообщения от девочек в общем чате. Они спрашивали, нет ли новостей от Сати и почему Вера позавтракала без них. Вера с охотой переписывалась с ними, дожидаясь результатов дешифровки. Когда они спросили, где она сейчас, она не стала врать, потому что знала: ни Таня, ни Ида не придут добровольно в библиотеку.

Около половины одиннадцатого в библиотеку стали прибывать воспитанники. К счастью, места рядом с Верой никто не занимал. На дисплее начали наконец-то появляться отдельные дешифрованные гены. Среди ничем не выделяющихся частей красным цветом засветился ген рецептора IGF-1, указывая на повышенную чувствительность к инсулину. Вера поискала в базе данных информацию. Об IGF-1 написали тысячи научных докладов, из которых следовало, что его мутация приводит к увеличению продолжительности жизни подопытных животных. Вера обхватила голову руками. Разобраться в этих хитросплетениях будет непросто. Особенно из-за того, что копаться она собирается в самой себе.

Следующим на дисплее высветились сенсоры оксидативного стресса VDAC1 и VDAC3. Об этом в далеком 2012 году писал Мессина.

– Вера! Привет! – раздалось за ее спиной.

Вера резко обернулась к двери, к которой сидела спиной. Через всю библиотеку к ней неслась Лина. Длинные пышные волосы развевались, точно накидка, за ее спиной.

– Как все прошло? – спросила Лина, останавливаясь рядом. Ее глаза сверкали.

– Ты о чем? – спросила Вера. Слегка подвинулась на стуле и положила руку на дисплей, загромождавая статью о генах стрессоустойчивости.

Пухлые губы Лины сложились буквой «о».

– Ну, экзамен! Что же еще?

– А-а-а, – протянула Вера. О нем она совсем забыла.

– Я так надеюсь, что ты останешься на первом месте среди выпускников! А ты?

Вера открыла рот, чтобы сказать: «И я!», ведь именно этого ожидали от воспитанников ПЭЦ, но рейтинг поблек на фоне свалившихся на нее бед.

Лина отошла в сторону, и Вера на секунду понадеялась, что ее оставят в покое, но та схватила стул, стоявший у соседнего стола, и подкатила его к Вере.

Проклятье!

– Что это у тебя? – спросила Лина, указывая пальцем на дисплей, где один за другим высвечивались отличные от нормы гены.

– Ничего! – отрезала Вера и тут же пожалела о своей грубости – уголки губ Лины опустились, а плечи поникли. – Реферат хотела подправить, – сказала Вера с досадой, наблюдая за выражением лица Лины. – Как твои годовые экзамены? Все получилось?

– Да! – Лина вновь улыбнулась. – Результаты для нашего потока объявили час назад. У меня такой же результат, какой был у тебя в моем возрасте. Девяносто шесть баллов! Представляешь? Надеюсь, что у меня получится повторить твой путь.

Вера улыбнулась и от всего сердца пожелала Лине до самого конца не сомневаться в правильности системы распределения, чтобы усилия, которые она прикладывала с такой горячностью, принесли желанные плоды.

– Как жаль, что хорошие оценки – это далеко не все в жизни.

Лина удивленно уставилась на нее. Коммуникаторы на их запястьях одновременно завибрировали. Вера взглянула на экран. На нем высветилось сообщение:

КАТРИНА: «Все воспитанники ПЭЦ должны немедленно явиться в главный зал».

– У тебя тоже от Катрины? – спросила Вера.

– Да, – откликнулась Лина.

Это было странно. Если Катрина когда и устраивала собрания в главном зале, то только для своих подопечных, Вериных сверстников. Воспитанники в библиотеке все как один поднялись со своих мест. Очевидно, они тоже получили сообщение от Катрины. Что же такое она собиралась объявить, чего нельзя было разослать, как обычно, по коммуникаторам? И почему собрание устраивала именно Катрина, а не директор? Может быть, это знак, что теперь, в отсутствие Сати, она займет должность замдиректора? Вера непроизвольно скривилась – более неподходящего человека на это место найти было крайне сложно, если не сказать невозможно. Катрина не участвовала в жизни воспитанников. Ее интересовало соблюдение условий программы. Прекрасно, вот только, как ни крути, детям требовалась забота и человеческий отклик. Во время вчерашнего разговора в дверях комнаты Сати Катрина впервые за все время, пока Вера себя помнила, проявила искренние эмоции, правда и те негативные. Как же она сможет заботиться о воспитанниках?

– Ты иди, – сказала Вера, обращаясь к Лине, – я тебя сейчас догоню.

Когда Лина отошла, Вера выключила программу дешифровки и с недовольством достала флешку. Почти четыре часа работы насмарку.

Галерея второго этажа, где находился вход в зал, была переполнена. Вера заметила каштановые кудряшки Тани и копну светлых волос Иды и прибавила шагу. Поравнявшись с ними, она спросила:

– Вы знаете, что происходит?

– Понятия не имею, – ответила Ида, подхватывая Веру под локоть и притягивая к себе. – Может, речь о Сати?

– Надеюсь, – произнесла Вера.

Они замедлили шаг. Толпа воспитанников разделялась на два ручейка – в правый и левый входы в зал – и протискивалась через распахнутые двухстворчатые двери внутрь. Ида потянула Веру в левую очередь, хотя быстрее правой она не двигалась. Зал напоминал амфитеатр. От дверей между пластиковыми стульями, цветовая палитра которых варьировалась от белоснежного до темно-серого, параллельно друг другу вниз тянулись две лестницы, примерно до уровня первого этажа ПЭЦ. Внизу располагалась площадка тридцатисантиметровой высоты для выступлений. Посередине за трибуной стояла Катрина – в белой блузке и юбке, но с темными пятнами, растекающимися от подмышек в сторону объемной груди. Катрина лихорадочно вытирала пот с верхней губы и лба, хотя в помещении были прохладно. Сейчас она показалась Вере еще более взволнованной.

Рядом с Катриной стоял Хорд, директор ПЭЦ. Тонкие ноги-спички под грузным туловищем стремились друг к другу в районе коленок. Лысина блестела в ярком свете потолочных ламп. Правая сторона его лица была искажена уродливым шрамом от старого ожога. Когда в качестве топлива еще использовали бензин, он попал в автомобильную аварию, и его машина загорелась. Поговаривали, его еле удалось спасти. Почему он не прибег к лазерной коррекции шрамов, Вера доподлинно не знала, но иногда ей казалось, что он специально оставил свое лицо изуродованным, чтобы нагонять на воспитанников ужас.

– Не задерживайтесь в дверях, – прогремел на весь зал голос директора, усиленный незаметным микрофоном, который крепился, по всей видимости, к лацкану белого пиджака. Но была у неестественной громкости и оборотная сторона: Вера отчетливо слышала сипение единственного легкого.

Вера не любила пересекаться с директором. И отталкивало ее не только его обезображенное лицо и постоянное тошнотворное сипение. Хорд никогда не смотрел в глаза собеседнику, а его голос звучал каждый раз по-разному – то высоко, то низко, будто сбивалась программа настройки, – но всегда с металлическими нотками. Голосовые связки ему тоже частично удалили и заменили искусственными, вместе с легким, уничтоженным во время аварии.

Вера сосредоточилась на ступеньках. Более или менее свободными, как назло, остались только первые три ряда, поэтому спускаться пришлось дольше и аккуратнее – под ногами постоянно путались чьи-то балетки и ботинки. Пробираясь вслед за Идой, Вера увидела Макса. Его черные волосы были аккуратно причесаны и заметно выделялись на фоне коротких стрижек остальных воспитанников. Он сидел во втором ряду, а слева от него пустовали три места. Он подумал о ней и ее подругах. Может быть, она ошиблась, когда решила, что его не волнуют ее чувства? Да, наверняка так и есть. Вместо того чтобы бегать от Макса, ей стоит с ним поговорить. Вера потянула Иду за руку, кивая в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.